

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Вып. 29, 2022

Владикавказ 2022

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Научный журнал
Гуманитарные науки

Главный редактор
И. Т. Марзоев

Редакционная коллегия:
Е. Б. Бесолова,
Э. Ш. Гутиева (ответственный секретарь),
Е. Б. Дзапарова, Ф.О. Абаева

Учредитель:

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА "ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК"

Адрес редакции и учредителя:
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: soigsi@mail.ru

*Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов
и не всегда совпадают с точкой зрения редколлегии
и редакции журнала*

ISSN 2310-578X

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ

Джигкаев М.С. Петр Великий и Северный Кавказ	5
Туаллагова А.А., Туаллагов А.А. Семья Мухтаровых – предприниматели и меценаты	10
Сохиев И.В. Финский батальон СС «Нордост» в боях на территории Северной Осетии осенью 1942 г.	20
Секинаев С.А. Роль женщин и молодежи в работе промышленности и сельского хозяйства Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны	28

II. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Атмурзаева Л.Т., Муратова Е.Г. Евгений Захарович Баранов (1869-1935) о земледелии и землепользовании в Балкарии в конце XIX века	37
Пекова Р.З., Муратова Е.Г. Вклад П.И. Хицунова в обозрение северокавказских архивов в 1846–1848 гг.	47

III. ФИЛОЛОГИЯ

Милевская Г.А., Сатцаев Э.Б. Об иранских заимствованиях в грузинском языке	57
Догузова З.Х. Об экстралингвистическом факторе пассивизации осетинского языка	63
Цагараева Е.Т. О сакрально-духовном феномене обрядового текста колыбельных песен осетин	78

IV. ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Багаева А.А. Грузия во второй половине 80-х–начале 90-х гг. XX в.: становление государственной независимости и внутриполитическая борьба	92
Золоева З.Т. Проблемы реализации государственной политики в сфере развития цифровизации в субъектах РФ (на примере РСО-Алания)	104
Сатцаев Э.Б., Милевская Г.А. Особенности положения национальных меньшинств в Иране на примере грузин	110
НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ	120

І. ИСТОРИЯ

**М.С. Джигкаев,
студент СОГУ им. КЛ. Хетагурова
(г. Владикавказ)**

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

В статье описывается планомерный процесс присоединения Осетии к России, начиная с Петровской эпохи и заканчивая подписанием Кючук-Кайнарджийского мирного договора между Российской империей и Турцией. Этот договор являлся камнем преткновения в решении важнейших для Осетии вопросов, связанных с защитой от внешних врагов. Автор считает, что первый этап дипломатических отношений между Россией и горной Аланией связан с именем российского императора Петра Алексеевича. В статье упоминаются три потомка Ос-Багатара, которым выпала честь представить интересы Осетии на международной арене. В состав посольства входили Елисей Кесаев, Батырмирза Цопанов и Зураб Магкаев. Автор считает, что в становлении отношений между Россией и Аланией, как и других республик Кавказа, роль Петра Великого была и остаётся до сих пор малоизученной.

Ключевые слова: *Петр I, Кавказ, Осетия, осетинское посольство, Зураб Магкаев.*

The article describes the systematic process of joining Ossetia to Russia, starting from the epoch of Peter the Great and ending with the signing of the Kyuchuk-Kaynarji peace treaty between the Russian Empire and Turkey. This agreement was a stumbling block in resolving the most important issues for Ossetia-Alania related to protection from external enemies. The author believes that the first stage of diplomatic relations between Russia and mountainous Alania began under the Russian emperor Peter Alekseevich. The article mentions three descendants of Os-Bagatar, who were honored to represent the interests of Ossetia internationally. The embassy included Yelisey Kesaev, Batyrmirza Tsopanov and Zurab Magkaev. The author believes that further research is needed to specify the role of Peter in the development of relations between Russia and Alania, as well as other peoples of the Caucasus.

Keywords: *Peter I, Caucasus, Ossetia, Ossetian embassy, Zurab Magkaev.*

В нынешнем, 2022 году, отмечается 350-летие со дня рождения Петра I. Он был выдающимся руководителем нашего государства, которому удалось не только «прорубить окно в Европу» [1, 9], как точно подметил в своем стихотворном творчестве классик русской поэзии А.С. Пушкин, но также не забывал о продвижении России на юг, в бассейн Каспийского моря и земель Кавказа.

Это хорошо понимали представители проживавших здесь народов и аланы-осетины, в частности. Профессор С.Р. Чеджемов считает, что, с юридической точки зрения, начало процесса вхождения Осетии в состав Российской империи можно датировать 1724 годом. Это связано с тем, что Зураб Магкаев, выдающийся представитель аланской аристократии и дипломат из рода Царазонта, и грузинский царь Вахтанг VI во время их совместной поездки в Россию вели переговоры о принятии их народов под протекторат империи, видя в этом единственный выход избежания поглощения их Турцией и Ираном. Но, увы, посольством не была выполнена цель по причине того, что царь Петр умер. Но, тем не менее, идея о присоединении Осетии к России еще зрела в умах как верхушки осетинского общества, так и у неимущих слоев населения [2, 2].

Следует полагать, что идея присоединения к России народов Кавказа являлась результатом замысла императора сделать Россию не только великой европейской страной в Европе, но и в Азии. Эту идею разделял и аланский-осетинский народ.

В связи с драматическими событиями, настигшими Кавказскую Аланию в период XIII-XV веков, она несколько столетий не могла восстановить свое хозяйство. Были уничтожены города с богатой торговлей и ремеслом, аланы пытались буквально выжить [3, 47]. Более того, на них обрушились новые испытания, связанные с вытеснением алан в горы и нападением на них различных завоевателей, сначала монголо-татар, а затем и войск Турции и Ирана. В таком катастрофическом для государства алан положении они находят выход из ситуации, принимают решение уйти только под покровительство от России, но и войти в ее состав [4, 7].

Осетины хотели получить не только кратковременную помощь от России в борьбе с внешней угрозой, но и навсегда обе-

зопасить себя на равнинных кавказских землях. Этим и был обусловлен непрекращающийся процесс установления дипломатических отношений с Россией.

Россия после Петра I осторожно относилась к этому. В 1745 году при императрице Елизавете Петровне из Петербурга в Аланию прибыла духовная комиссия с разведывательной и православной миссией. В результате работы комиссии аланское посольство было приглашено в столицу Российской империи [3, 83]. Не стоит считать, что только осетинам сотрудничество с Российской империей было выгодным: осетинские горы, были богаты месторождение свинца, через Осетию шли торговые пути из Европы в Азию и на Ближний Восток, и это отвечало интересам России [5, 415].

Существует точка зрения, что из-за ряда экономических причин Россия стремилась подчинить своему влиянию кавказский регион, а уже затем присоединить [6, 41]. Необходимо напомнить, что после нашествия Тимура в XIV в. Алания фактически была стерта с лица земли. Государственность восстанавливалась медленным темпом.

Процесс переговоров шел планомерно. На формирование посольства ушло почти два года. Это свидетельствует о том, что осетины очень ответственно подошли к данной миссии. Потребовала времени процедура голосования, выявляющая самых достойных сынов своего народа, которым выпала честь представлять интересы родного государства и сохранение аланского общества [3, 84].

В результате народного голосования были избраны три потомка, возводящие свой род к колену Ос-Багатара. Во главе посольства стоял хорошо образованный и имевший значительный опыт в дипломатических миссиях Зураб Магкаев. Именно на него была возложена ответственность за сохранение осетинского общества. В состав посольства вошли Елисей Кесаев, главный полководец Алании-Осетии из рода Кусагонта и Батырмирза Цопанов, из рода Сидамонта, – пишет профессор Р.С. Бзаров [7, 45].

В сентябре 1749 г. посольство отправилось в Россию и уже в феврале следующего года добралось до Петербурга. Послы твер-

до заявили о своем желании принять российское подданство. Посольство ставило перед собой три цели: первая – получить покровительство от внешних угроз, вторая – вернуться на равнины и третья – свободно торговать в российских пределах. Аланские общества, в свою очередь, обещали выставлять на службу войско численностью до 30.000 человек и более, справедливо отмечает профессор Р.С. Бзаров [3, 85].

В декабре 1751 года осетинских послов приняла императрица Елизавета Петровна. В результате переговоров Россия признала Осетию-Аланию независимой страной с особым геополитическим статусом. Был закреплён тесный политический союз между Аланской конфедерацией и Российской империей. Россия обещала аланам помощь в возвращении на равнины и освобождение от таможенных пошлин. Однако главного ответа на вопрос о присоединении к России она не услышала. Это оказалось невозможным в связи с подписанием в 1739 году Белградского мирного договора, заключенного после неудачной войны с турками, запрещающего России открыто действовать на Кавказе, на что обращает внимание профессор М.М. Блиев [8, 10].

Ждать пришлось четверть века. Пока в очередной войне с турками Россия не одержала победу. В результате подписания долгожданного Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 года, который снял ограничения для правого оформления присоединения Алании-Осетии к России. Переговоры о присоединении получили успех. Договор о присоединении Алании к России был подписан 27 октября 1774 году в г. Моздок. От имени российского правительства сношением с Кавказом ведал Астраханский губернатор Пётр Кречетников. Осознанный выбор осетин открыл для горцев экономические и культурные перспективы [3, 87].

Мы считаем, что благодаря императору Петру Великому Россия стала великой страной на двух континентах – в Европе и Азии удалось отстаивать интересы всех народов, вошедших в ее состав. Сегодня Россия является многонациональной страной, считающейся с нравами и обычаями народов Северного Кавказа. В этом бесспорная заслуга российского императора Петра Алексеевича.

1. Пушкин А.С. Медный всадник. Наука. Л.: 1978. С. 9-23.
2. Чеджемов С.Р. Правовая культура народов Северного Кавказа как результат аккультурации // Правовая инициатива. 2013. № 9. С. 8.
3. Бзаров Р.С. История Алании-Осетии. Владикавказ. Ир: 2020. С.158.
4. История Осетии с древнейших времен до конца XVII века / Под ред. Кануковой З.В. Владикавказ, 2019. С. 498.
5. Царахова З.У., Гутиева М.А., Засеева Л.Т. О присоединении Осетии к России. // Инновационные технологии производства и переработки сельскохозяйственной продукции. Материалы Всероссийской научно-практической конференции в честь 90-летия факультета технологического менеджмента. Владикавказ, 2019. С. 414-416.
6. Шавлохова Е.С. Покорение горцев в первой половине XIX века, как один из этапов присоединения Осетии к России // Общество: Философия, история, культура. Краснодар, 2018. С. 41-43.
7. Бзаров Р.С. Наша Родина в прошлом. Рассказы по истории Алании и России. СОИГПИ. Владикавказ. 2013. С.68.
8. Блиев М.М. Русско-осетинские отношения в XVIII веке. Т.1. Орджоникидзе, Ир: 1976. С.513.

**А. А. Туаллагова,
студентка Владикавказского филиала Финансового
университета при Правительстве РФ**

**А. А. Туаллагов,
дин, внс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)**

СЕМЬЯ МУХТАРОВЫХ – ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И МЕЦЕНАТЫ

Статья посвящена истории супружеской пары – Муртузы Мухтарова и Лизы Тугановой. Супруги, происходившие из разных социальных слоев Азербайджана и Осетии, оставили заметный след в истории своих народов благодаря меценатству и благотворительной деятельности. Основой для них послужили талант и огромный труд М. Мухтарова, позволивший ему не только самому подняться с самых низов общества, но и построить современное для того времени производство, обеспечивавшее многие рабочие места и достойный уклад жизни самих задействованных на нем рабочих и инженерных кадров. Супруги уделяли особое внимание делу просвещения и воспитания молодежи, прежде всего, девочек, обеспечению медицинской помощи всем нуждающимся, поддержке сирот и детей бедняков. Оказывалась адресная помощь в получении образования. В Баку свою поддержку находили и представители осетинской диаспоры. Сегодня во Владикавказе с именами супругов связана одна из главных достопримечательностей города – суннитская мечеть.

Ключевые слова: предпринимательство, меценатство, осетинская аристократия, Осетия, Азербайджан.

The article is devoted to the history of a married couple – Murtuza Mukhtarov and Lisa Tuganova. The spouses, who came from different social strata of Azerbaijan and Ossetia, left a noticeable mark in the history of their peoples and are remembered for their patronage and charitable activities. The talent and labours of M. Mukhtarov account not only for his personal rise from the very bottom of society, but also for the creation of a modern production for that time, which provided many jobs and for securing a decent way of life for the workers and engineering personnel involved in the production. The spouses paid special attention to the education and upbringing of young people, especially girls, all those in need had access to medical care, orphans and children of the poor were supported. Targeted assistance in obtaining education was provided for the illiterate. Representatives of the Ossetian diaspora could also find their support in Baku. Today in Vladikavkaz

one of the main attractions of the city, the Sunni mosque, enshrines the names of the spouses.

Keywords: *entrepreneurship, patronage, Ossetian aristocracy, Ossetia, Azerbaijan.*

История меценатства насчитывает не одно столетие и не ограничивается даже сотней примеров. Но каждый из таких примеров актуализируется в наше время особым отношением к проблеме социальной ответственности бизнеса, без которого невозможно поступательное и всеобъемлющее развитие социально-экономической структуры современного государства. Одним из таких примеров, на наш взгляд, может служить биография нефтепромышленника Муртузы Мухтар-оглы Мухтарова (1855–1920 гг.), чья судьба оказалась счастливым образом связана и с Осетией. В своей небольшой статье мы будем, прежде всего, опираться на известные исследовательские издания, а также материалы, размещенные в интернете.

М. Мухтаров родился в рабочей семье в азербайджанском с. Амираджаны. Начальное образование получил в мусульманской школе – моллахане. С детских лет он занимался на местном кустарном производстве добычей нефти. Впоследствии ему удалось приобрести собственную арбу для перевозки нефти, а затем в 1870 г. устроиться черпальщиком на нефтяные промыслы. Здесь Муртуза стал известным мастером нефтяного оборудования, возглавив механические мастерские. Он самостоятельно освоил работу полумеханического станка «Молот», который лично усовершенствовал. Через несколько лет владелец промыслов Мартов продал ему свою мастерскую бурильного оборудования в Забрате.

В 1890 г. М. Мухтаров организовал собственную бурильную компанию «М. Мухтаров и К^о». Впоследствии ее филиалы были открыты в г. Грозный и г. Майкоп. Он успешно бурил глубокие скважины, одна из которых достигала 1100 м. Часть его изобретений, особенно станок, считались самыми совершенными для своего времени [1, 119]. В 1891 г. в Сабунчи он открыл свой механический завод, на котором к 1913 г. работало 950 рабочих, а годовой оборот составлял 1 100 000 рублей [2, 199]. Кроме бурильных,

компания производила ремонтные, транспортные работы. М. Мухтаров обладал самым современным на тот момент оборудованием, двигателями и приборами. Его компания разрабатывала большинство нефтяных скважин в Балаханах, Сураханах и Рама-нах. Помимо этого у него имелись и собственные месторождения. Первая остановка после Сабунчи по маршруту электрички Баку–Бузовна сегодня называется «Мухтаровка». Именно здесь располагались его частные нефтяные месторождения [3].

Видимо, М. Мухтаров пользовался заметным авторитетом не только среди представителей своего класса. Так, в период декабрьской стачки 1904 г. в Баку на общем собрании нефтепромышленников он был избран членом комиссии по выработке условий, предлагаемых бастующим, и для переговоров с ними. В его собственном отношении к бизнесу всегда проявлялось желание помочь простому человеку. Вкладывая заработанные деньги в развитие производства, он открывал новые рабочие места, на которые принимал своих односельчан, тем самым вырывая их и их семьи из нищеты. Через 10 лет М. Мухтаров был уже достаточно богатым человеком. В 1895 г. он совершенствует станок ударного штангового способа бурения и приобретает патент на строительство своей бурильной системы «Мухтаров», впервые в истории России строит завод по сборке нефтяного оборудования. Станок «Мухтаров» экспортировался во многие зарубежные страны.

Он вводит в строй завод бурильного оборудования в Би-би-Эйбате, который стал первым в нашей стране промышленным предприятием по производству нефтяного оборудования. Около завода он возвел трехэтажное здание для рабочих и служащих. Это привлекло к нему лучшую рабочую силу и принесло дополнительные прибыли.

М. Мухтаров построил несколько механических заводов в Бакинском промышленном районе, обеспечив техническое перевооружение бурового дела. Бизнес постоянно требовал от него налаживания и развития новых деловых связей, расширения их географии. Он заключал договора с нефтепромышленниками всего Северного Кавказа, с владельцами промыслов Грозного и

Майкопа, имел разнообразные связи со многими предприятиями и конструкторскими бюро. М. Мухтаров был членом правления прокатной конторы кинематографа в Баку «Фильма», имел свою типографию. Как нефтепромышленник являлся акционером Московско-Волжского нефтяного товарищества, администратором по делам Бакинского общества русской нефти.

Так, однажды он оказался во Владикавказе. Известна версия, что на железнодорожном вокзале М. Мухтаров познакомился с представителем осетинского дворянства – Хамби Асламбековичем Тугановым (17 ноября 1838–1917 гг.). Он был сыном первого осетинского генерала в российской армии, дигорского баделята Туганова Асламбека Магометовича (Игнатий Михайлович) (1802–октябрь 1869 гг.). Его семья была многодетной – 5 дочерей от первого брака с дочерью дигорского царгасата Майхо Карабугаевой и 5 сыновей от второго брака с дочерью дигорского царгасата Кенджехан Карабугаевой.

С 1859 г. со стороны экзарха Грузии предпринимались попытки заставить А. М. Туганова обратить своих детей из магометанства в христианство. Вмешательство по жалобе генерала светских властей в апреле 1862 г. отменило данное принуждение. Однако после смерти А. М. Туганова православное духовенство вынудило креститься трех сыновей – Афая, Батырбека и Хаджимурзу (Александр, Владимир, Николай). Крестил священник Владикавказской осетинской церкви Михаил Сухиев. Два старших сына Хамби и Хазби отказались от крещения [4, 146–151; 5, 510–516; 6, 114; 7, 207; 8, 196].

Хамби Асламбекович Туганов пошел по стопам отца. 4 декабря 1900 г. он был произведен в генерал-майоры с увольнением со службы. В браке «по обрядам магометанской религии» с Паше Инусовной Дударовой – дочерью тагаурского алдара – имел шестерых детей – Лези (Лиза, Елизавета), Фатима, Алима, Ибрагим, Магомет, Темирбулат [5, 517–520; 8, 201].

М. Мухтаров, будучи приглашен в его дом, встретил там старшую дочь генерала, Елизавету (1876–1956 гг.) [9], получившую блестящее образование в Сорбонне. Впоследствии она стала его супругой [10, 3; 11, 4]. Но следует указать, что версия со знаком-

ством М. Мухтарова с Х. А. Тугановым на вокзале, когда там генерал Х. А. Туганов в сопровождении двух лейтенантов- адъютантов совершал намаз, вызывает к себе вопросы. Х. А. Туганов ушел в отставку в день присвоения ему звания генерал-майора, что противоречит картине его сопровождения как генерала младшими офицерами. Менее известна иная версия знакомства М. Мухтарова с семьей Х. А. Туганова [12, 419].

К сожалению, нигде не указано точное время женитьбы М. Мухтарова и Л. Тугановой, хотя приводятся краткие, но красочные ее описания. Известно, что затем молодожены отправились в свадебное путешествие по Европе, после которого М. Мухтаров заказывает и достаточно быстро возводит их особняк в Баку в 1911–1912 гг. Логично полагать, что свадебное путешествие должно было состояться сразу после бракосочетания и незадолго до строительства в Баку семейного особняка Мухтаровых. Конечно, должно было уйти время на создание проекта и на согласование строительства, как известно, осложненного требованиями по соотношению размеров особняка и рядом располагавшихся религиозных зданий. Но ориентир на время строительства в 1911–1912 гг. может служить и примерным ориентиром для бракосочетания.

Жизнь М. Мухтарова и Л. Тугановой не замыкалась только в семейном кругу. Их общественная и благотворительная деятельность особенно наглядно запечатлена в истории Баку. М. Мухтаров поддерживал Мусульманское Дамское благотворительное общество. Он подарил ему большой участок земли на территории бакинского поселка Гала. Здесь же им было построено два сиротских дома [13]. Он состоял попечителем Бакинского реального училища, Темир-Хан-Шуринской женской гимназии, был почетным членом Петербургского мусульманского благотворительного общества, почетным председателем «Нешр маариф» – «Общества по распространению просвещения», учредителем 40 стипендий для высших и средних специальных учебных заведений. М. Мухтаров вел работу по искоренению суеверий и предрассудков среди горцев. С этой целью в Баку им издавалась ежедневная газета «Таракки». На его средства был построен в 1913

г. маяк на Апшероне и здания в Кисловодске. В № 3 «Мусульманской газеты» за 24 января 1914 г. отмечалось получение в начале января 1914 г. письма от М. Мухтарова, зачитанном в суннитской мечети 10 января 1914 г. М. Джабагиевым. В нем сообщалось о пожертвовании М. Мухтаровым 5 000 рублей Обществу Просвещения Ингушского народа на строительство школы, [21, 26].

Видимо, не нуждается в особом подтверждении тот факт, что положение М. Мухтарова являлось и заметной материальной основой для меценатской и благотворительной деятельности его супруги – Лизы Тугановой. Но она же указывает на общие гуманистические позиции этой замечательной супружеской пары. Л. Туганова была членом правления Бакинского отдела Кавказского общества борьбы с туберкулезом. В 1913 г. организуется благотворительное общество «Детская больница», в котором она также принимала активное участие. Кроме того, она помогала создавать специальную детскую лечебницу в г. Баку.

М. Мухтаров заказал польскому архитектору И. Г. Плошко спроектировать упоминавшийся выше особняк в венецианском стиле, который так понравился его супруге во время свадебного путешествия по Европе. Особняк, построенный за один год с 1911 г. по 1912 г. на улице Персидской (современная улица им. М. Мухтарова), стал не только «семейным гнездом». В нем Л. Туганова организовала пансион для обучения и воспитания девочек из бедных семей и сирот. Она была и одной из главных попечительниц заведения Св. Нины в Баку [14; 9]. Своих детей у супругов не было. Они усыновили сына и дочь Бал Ахмада – умершего брата М. Мухтарова. К несчастью, мальчик скончался еще в раннем детстве [15].

Будучи членом правления акционерного общества «Муртуза Мухтаров», Л. Туганова сотрудничала с Бакинским Мусульманским просветительским обществом «Ниджат» – «Спасение». В 1914 г. она возглавила Мусульманское Дамское благотворительное общество, созданного на его основе. Общество проводило обширную просветительскую работу, благотворительные собрания и обеды. Получаемые на них сборы предназначались на поддержку сирот, детей бедных родителей. Особое внимание

уделялось содействию в получении образования бедным девочкам-мусульманкам [13]. Вместе со своим супругом, М. Мухтаровым Л. Туганова состояла пожизненным почетным членом «Общества по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области».

На средства М. Мухтарова получал образование Дж. Гаджибейли на юридическом факультете Петербургского университета, которое потом продолжил в Сорбонне. Он станет известным деятелем культуры. М. Мухтаров взялся оплачивать обучение с 1917 г. в Московском медицинском институте М. Байрамалибековой, окончившей учебное заведение «Святой Нины». Однако революционные события прервали помощь мецената. М. Байрамалибекова станет известным педагогом, одной из первых в Азербайджане женщин-просветительниц. М. Мухтаров также 2 года оказывал финансовую помощь творчеству оперной певицы, его однофамилице – Кате (Фатма) Мухтаровой, успешно выступавшей в России и побывавшей с концертами в Баку в 1913 г. В некоторых публикациях говорится о ее якобы удочерении [16, 4].

В Баку Л. Туганова оказывала всестороннюю помощь местному осетинскому театральному кружку, который ставил спектакли на родном языке, в основном по пьесам Е. Бритаева. Его деятельность освещалась в печати театральным рецензентом У. Кубатиевым, высланным из Осетии в Баку. Средства, собранные на этих показах и на иных благотворительных вечерах, передавались Л. Тугановой на дело помощи бедным студентам, детским приютам и заключенным, а также студентам-осетинам, обучавшимся в учебных заведениях Баку. В своем семейном дворце Л. Туганова устраивала ежедневные обеды для осетинских студентов [14; 6, 118; 17, 64].

Семья Мухтаровых, сочетая в себе предпринимательское начало с широкими гуманистическими представлениями, оставила о себе самую добрую память. Развивая современное производство, они обеспечивали работой, а, следовательно, достойным образом жизни многих своих соотечественников, одновременно заботясь об их бытовых условиях. Многие люди, в том числе добившиеся впоследствии собственного профессионального успе-

ха в различных сферах общественной жизни, были в свое время поддержаны меценатской деятельностью супругов. Сегодня в разных частях нашей страны и теперь уже ближнего зарубежья стоят прекрасные архитектурные объекты не только как материальные памятники, но и как символы любви и гуманизма.

Нетрудно догадаться, что чету Мухтаровых не миновали тяжелейшие годы революционных событий. Одни авторы утверждают, что М. Мухтаров, оберегая семью, отправил в 1918 г. супругу в Батуми. Вместе с нею уехала его приемная дочь Умия со своим мужем С. Ахмедовым – партнером М. Мухтарова по бизнесу. 28 апреля 1920 г. в его дом вошел отряд красноармейцев, с которыми у хозяина завязалась перестрелка. В конечном итоге, М. Мухтаров выстрелил себе в сердце. Говорят что, якобы, еще два дня он оставался живым. Похоронен М. Мухтаров возле шиитской мечети своего с. Амираджаны, на возведение которой в свое время по просьбе земляков он выделил соответствующее финансирование. Он также подарил мечети изготовленный в период строительства в Стамбуле Коран. Тексты Корана, весом 25 кг, исписаны золотом. Сам Коран хранится в мечети.

Вскоре из Батуми вернулась и Лиза Туганова. Некоторые авторы указывают на воспоминания историка Сары Ашурбейли о том, как она со своей мамой Исмет навещала Л. Туганову, ютившуюся в подвале своего бывшего особняка. Они приносили ей скудную пищу, которую позволяли новые хозяева. Позже, она, заключив фиктивный брак с турецким дипломатом, уехала в Турцию. Фиктивный супруг обобрал ее, оставив без средств к существованию в Стамбуле. Дальнейшую судьбу Л. Тугановой одни считают совершенно неизвестной [9], другие предполагают, что она осталась в Стамбуле, где скончалась в 1956 г. [18, 3], уехала дальше в Марсель [15] или Париж, где скончалась в середине 1950-х гг. [19], вышла в Стамбуле замуж за русского офицера и уехала с ним в Париж [20, 206–207].

Другие исследователи полагают, что к моменту гибели супруга Л. Туганова находилась во Франции. Потом она уехала в Стамбул, где жила в доме своего родственника – полковника Т. Туганова. В Турции она преподавала детям французский язык. Умерла и по-

хоронена в Стамбуле в 1956 г. [14]. Приемная дочь Мухтаровых Умия, похоронив мужа на чужбине, вернулась в Баку, где в 1930-х гг. служила в Театре оперы и балета.

Супружество Муртузы Мухтар-оглы Мухтарова и Елизаветы Хамбиевны Тугановой навсегда оставило о себе память и в истории Владикавказа. Здесь при значительной финансовой и организационной помощи М. Мухтарова была достроена в 1906–1908 гг. знаменитая суннитская мечеть. До сегодняшнего дня мечеть неразрывно связана с именами Муртузы Мухтарова и Лизы Тугановой.

1. Киреев Ф.С. По улицам Владикавказ. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2007. 239 с.

2. Фабрики и заводы всей России. Сведения о 31,523 фабриках и заводах. Киев: Книгоиздательство Т-ва Л. М. Фиш, 1913. 1681 стб.

3. Мухтаров Муртуз – миллионер, изобретатель, нефтепромышленник: [сайт] URL: https://www.ourbaku.com/index.php/Мухтаров_Муртуз_-_миллионер,_изобретатель,_нефтепромышленник (дата обращения 25.03.2020).

4. Дзагурова Г.Т. Осетины в войнах России. Владикавказ: Алания, 1995. 240 с.

5. Дзагурова Г. Т. Сыны Отечества. Владикавказ: Проект-Пресс, 2003. 644 с.

6. Марзоев И. Т. Баделята – Тугановы // Генеалогия Северного Кавказа. Историко-генеалогический научно-реферативный независимый журнал. М.–Нальчик: Эль-Фа, 2002. № 4. С. 107–131.

7. Марзоев И.Т. Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII–начале XX веков. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 384 с.

8. Киреев Ф.С. Осетинский офицерский корпус: опыт мартиролога. Владикавказ: Ир, 2019. 255 с.

9. Алиев С. Любовь длиною в особняк, 2015 [сайт] URL: <https://proza.ru/2015/05/20/1233>(дата обращения 26.11.2021)

10. Любовь и смерть Муртузы Мухтарова. По материалам Ф.

Ахундова, Баку, 1991 г. // Северная Осетия. Владикавказ, 17 апреля 1992. № 75 (21130). С. 3.

11. Бетанов В. Жемчужина Владикавказа // Северная Осетия. Владикавказ, 24 октября 2013 г. № 194 (26461). С. 4.

12. Марзоев И.Т. Тагиата: Привилегированное сословие Тагаурского общества Северной Осетии. Владикавказ: СОИГСИ, 2012. 500 с.

13. Ёлчуев О. Муртаза и Лиза Мухтаровы: история большой любви в камне // Вестник Кавказа. 24.03.2017: [сайт] URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/Murtuza-i-Liza-Mukhtarovy-istoriya-bolshoy-lyubvi-v-kamne.html> (дата обращения 25.03.2020).

14. Марзоев И.-Б. Т. Мечеть, посвященная любимой. 18.04.2019: [сайт] URL: <http://okn.alania.gov.ru/news/329> (дата обращения 25.03.2020).

15. Славина О. Дворец счастья Лизы и Муртузы. 28.04.2013 [сайт] URL: <https://gorets-media.ru/page/dvorec-schastja-lizy-i-murtuzy> (дата обращения 30.11.2021).

16. ... И засверкали минареты над Терекком. Надтеречная – Коцоева // Владикавказ. Владикавказ, 8 сентября 2012 г. № 160 (1273). С. 4.

17. Марзоев И.Т. Однофамильцы Тугановы: история происхождений фамилий // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2018. Вып. 29 (68). С. 55–67.

18. Любовь и смерть Муртузы Мухтарова. По материалам Ф. Ахундова, Баку, 1991 г. // Северная Осетия. Владикавказ, 17 апреля 1992. № 75 (21130). С. 3.

19. Ахундов Ф. Дом счастья: дворец Мухтаровых в Баку [сайт] URL: <https://zen.yandex.ru/media/bakumagazine/dom-schastia-dvorec-mukhtarovyh-v-baku-60521314a77936520299a7f7> (дата обращения 30.11.2021).

20. Кусов Г. Встречи со старым Владикавказом. Владикавказ: Алания, 1998. 328 с.

21. Материалы по истории Владикавказа / Составители: А. У. Тангиев, Б.Д. Газиков. Автор предисловия Х. А. Акиев. Ст. Орджоникидзе́вская: Сунженская типография, 1999. 43 с.

И.В. Сохиев,
аспирант СОГУ им. К.Л. Хетагурова
(г. Владикавказ)

ФИНСКИЙ БАТАЛЬОН СС «НОРДОСТ» В БОЯХ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ОСЕНЬЮ 1942 Г.

В статье рассмотрено участие в боевых действиях иностранных добровольцев – финнов в составе батальона СС «Нордост» в битве за Кавказ на территории Северной Осетии. На основе отечественных и зарубежных источников проанализировано создание батальона, участие в боевых действиях на территории Северной Осетии, отступление и расформирование.

Ключевые слова: добровольцы, эсесовцы, дивизия, вербовка, батальон, финны, расстрел, «Нордост», «Викинг», «Нордланд»

The article considers the participation of foreign Finnish volunteers fighting as part of the SS battalion «Nordost» in the Battle for the Caucasus on the territory of North Ossetia. On the basis of domestic and foreign sources, the creation of the battalion, its participation in hostilities on the territory of North Ossetia, retreat and further disbandment are analyzed.

Keywords: volunteers, SS men, division, recruitment, battalion, the Finns, execution, «Nordost», «Viking», «Nordland»

Данная тема остается актуальной, потому что затрагивает неизученные аспекты истории Осетии, которые недавно открыты отечественной историографией. Собрав по частям материал, мы предприняли первую попытку описав участие иностранных добровольцев СС в боях на территории Осетии в 1942 г.

Целью работы является описание боевых действий на стороне немцев иностранных добровольцев СС – финнов, присланных Маннергеймом.

В ходе исследования использовались как зарубежные, так и отечественные работы. Последние представлены в основном отдельными номерами из журналов, и есть лишь одна крупная монография, но в ней участие финнов описывается кратко. Все работы написаны с использованием документов, монографий и воспоминаний. В качестве источника используются также документы о сборнике про Северной Осетии в период войны.

Зарубежные работы представлены двумя монографиями западных историков, которые с использованием документов и воспоминаний очевидцев довольно подробно описывают данную тему.

В ходе проведённого исследования удалось проследить боевой путь финских добровольцев, их отношения с немцами, оценку, которые они получили от германского командования, а также совершенные ими военные преступления.

Среди отечественных работ, посвященных этой теме, можно выделить: номер журнала со статьей С. В. Иванова [1] в которой с использованием документов описал историю финского батальона от его создания в 1941 г. вплоть до расформирования в 1943 г., Дисследование К.К. Семёнова [2] в котором автор кратко прослеживает историю иностранных формирований в германской армии, в том числе финского батальона СС «Нордост»; информативна монография С.И. Дробязко, О.Н. Романько, К.К. Семёнова [3], в которой дана история финского батальона, его потери, а также судьба тех финнов, кто решил остаться в немецкой армии после расформирования.

Наиболее подробно о финском батальоне написал немецкий историк В. Тике [4]. Автор использовал при написании книги воспоминания финнов, что большая редкость; подробно проследил историю батальона: его создание, участие в боевых действиях, отношения с немцами, отступление, вывод в тыл и расформирование.

Не осталась без внимания и работа историка Р. Батлера [5]. В работе автор, кроме финнов, затронул ещё эстонцев и норвежцев, которые тоже входили в состав дивизии «Викинг».

В качестве источника использованы мною и документы из недавно выпущенного сборника документов «Память о пережитом» [6], опубликованы приказы, документы, письма и т.д., касающиеся Северной Осетии в период войны. В этом сборнике также опубликованы документы о преступлениях, которые, как оказалось, совершили финские СС.

Преступления финских добровольцев стали известны благодаря воспоминаниям бывших эсесовцев: Яакко Хинтиikki, Пааво

Мереля, опубликованных национальным архивом Финляндии. Конкретно имена погибших удалось установить студентам, магистрантам и аспирантам исторического факультета СОГУ (Уртаева, Гвиниашвили, Битиева, Бимбасов), которые вышли на ветерана войны Хадзирета Сандировича Хамицаева и с его помощью, а также используя архивные документы, установили личности жертв батальона СС.

К началу Великой Отечественной войны в Финляндии сохранялась сильная ненависть к Советскому Союзу, который незадолго до этого покушался на её независимость. Поэтому немцы считали, что это будет хорошим поводом для вербовки добровольцев из этой страны в немецкую армию [3, 244]. В 1941 году начался призыв, и удалось набрать 1200 человек. Служба в немецких рядах приравнивалась к службе в финской армии, затем добровольцев отправили в Германию, где их поделили на 2 части: одну и распределили в дивизию СС «Викинг», а из другой был создан финский батальон СС «Нордост» [2]. Следует отметить, что кроме финнов в состав СС «Викинг» входили эстонцы и норвежцы. Поначалу Гиммлер неохотно относился к идее формирования подразделений из эстонцев, так как считал их расово неполноценными, но высокие потери на восточном фронте заставили его изменить мнение. В итоге, в учебном лагере Дембица, в Польше, создали 3 эстонских батальона, а затем из них сформировали 1-й эстонский добровольческий гренадёрский полк СС танково-гренадёрской дивизии СС «Викинг», который с добавлением ещё двух полков стал бригадой [4, 76]

В январе 1942 г. СС «Нордост» был отправлен на позиции в районе р. Миус в состав дивизии СС «Викинг», где принимал участие в боевых действиях [2]. По приказу Штайнера (командира дивизии «Викинг») финны стали 4-м, а затем 3-м батальоном полка «Нордланд» в составе дивизии [3, 245]

В районе Миуса батальон пробыл до 26 апреля, затем был отправлен под Александровку, где принимал участие в боях за Демидовку, а затем выведен в тыл, но 10 сентября снова оказался на фронте [3, 245].

Батальон СС «Нордост» в составе дивизии «Викинг» принимал

участие в наступлении на Кавказ. Финские добровольцы втягиваются в бои в районе Малгобека с 26 сентября по 16 октября, им удаётся захватить высоту 701 – эта была самая восточная точка, до которой добрался батальон. В течении 45 дней боёв, они потеряли 88 человек убитыми и 346 ранеными. Для восполнения этих потерь из Финляндии прибыло еще 200 бойцов [1, 9-14]

После боёв за Малгобек началось наступление немцев на Орджоникидзе, которое обернулось неудачей: 13-я танковая дивизия попала в окружение у с. Гизель. Чтобы избежать разгрома, СС «Викинг» была снята с участка Сагопши и направлена на помощь окруженным. 12 ноября эсесовцам удалось прорвать кольцо и вывести части 13-й танковой дивизии, понёсших большие потери. Немцы начали отступление, а батальону СС «Нордост» было приказано занять оборону в Чиколу и Дигоре.

В ноябре ситуация под Сталинградом для немцев резко осложнилась: 6-я армия Паулюса угодила в окружение и находилась в кольце, в связи с этими событиями Красная армия перешла в контрнаступление на Кавказе.

4 декабря советские части начинают освобождать Чиколу, связывают бой с СС «Нордост» и глубоко вклиниваются в его оборону. Пока шли бои за село, другие части батальона в Дигоре, узнав об атаке, выдвинулись на помощь к своим. О бое за село написал Ээро Тулонен: «Мы приблизились к окопам взвода Куутти и пришли в ужас. Вокруг были разбросаны плащ-палатки, фляжки, котелки. Но ни следа наших товарищей. Затем нас окликнули отошедшие в сторону двое наших товарищей. Мы поспешили к ним и в одном из окопов нашли еще живыми роттенфюрера Кененена и рядового Пююхтия, лежащими на одном пулемете, вокруг которого громоздились горы стреляных гильз. Вскоре мы нашли также раненых рядовых Матушевски и Валтакари и уже остывшие трупы Хеллберга и Хауска. Но ни следа остальных бойцов взвода Куутти. Когда мы поднялись на высоту 710,5, русские открыли по ней плотный огонь из минометов. Мы укрылись от него в окопах. Ефрейтор Ярви был сражен у самого окопа осколком мины. Попала мина и в окоп, в котором укрылся оберштурмфюрер Хортлинг. Вся верхняя половина тела Хортлинга была уничтожена взрывом.

Мы очень беспокоились о судьбе взвода Куутти, от которого не осталось и следа. Мы решили, что их всех увели в плен».

В результате батальон удержал село, а 7 декабря он был заменён на 2-ю румынскую горнострелковую дивизию. Финнов отправили оборонять Толдзгун, где они отразили несколько советских атак.

В связи с событиями под Сталинградом дивизия СС «Викинг» готовилась отправиться на помощь окружённым [4] и «Нордосту» доверили прикрывать отступление эсесовцев [3, 245]

31 декабря был отдан приказ об отходе, началось отступление с Кавказа. Немцы оставляют позиции, прикрываемые финнами. Советские части, заметив отступление неприятеля, двинулись на Толдзгун, но противник уже покинул территорию Осетии [4].

Следует отдельно отметить, что финские СС, как и немцы, тоже совершали военные преступления, оставив в Северной Осетии свой кровавый след. Незадолго до отхода они получили приказ убить 5 человек жителей с. Толдзгун. Один из финских эсесовцев - Яакко Хинтикки, записал в своём дневнике, как проходила казнь: «Кончается старый год совсем не так мирно, как я себе представлял. Ситуация изменилась в самые последние часы. Конец года выдался жестокий, и я, наверняка, его запомню и без заметок. Мы обнаружили пятерых шпионов из гражданских и убили их. На закате их привели на холм и расстреляли. Заодно с ними — и пару других заключенных. Было тяжело, они молили о пощаде. Но пистолет-пулемет ее не ведает. Младшему было 17 лет, а следующему — 20; остальные — уже пожилые мужчины с бородами. Последним расстреляли самого молодого. Сначала он забросал остальных землей, а потом настал его черед. Нервы у него, конечно, были что надо — даже отдал честь перед смертью» [7].

Расстрел был совершен 31 декабря 1942 года, когда части батальона должны были прикрывать отступление дивизии СС «Викинг». Удалось установить личности погибших:

1. Думбул Иванович Габеев (р. 1916). Член Коммунистической партии и секретарь парткома колхоза «Толдза».
2. Губу Бузневич Хортиев (р. 1902). Член Коммунистической партии, член колхоза, начальник полеводческой бригады.

3. Данел Оразмагович Хамицаев (р. 1890). Коммунист, активный член колхоза.

4. Сандир Оразмагович Хамицаев (р. 1888). Принимал активное участие в Гражданской войне в дни становления Советской республики.

5. Владимир («План») Сандирович Хамицаев (р. 1926). Член комсомола колхоза «Толдза».

Кроме вышеназванных лиц были убиты ещё двое – это сержант Евгений Дурнев и рядовой Анатолий Маличенко.

Сведения об этом преступлении были собраны с помощью архивных документов, а также ветерана войны – Хадзирета Сандировича Хамицаева род. 1924г. Расстрелянные Хамицаевы приходились родственниками ветерану [12]. В недавно выпущенном сборнике документов «Память о пережитом» также упоминаются жертвы расстрела в с. Толдзгун.

«По Ирафскому району из граждан с.Толдзгун расстреляны:

1.Хамицаев Сандир, б/парт., и (2) его сын, Хамицаев План, беспартийный, за то, что сказали: «Не распределяйте колхозного имущества, все равно придут красные».

2.Хамицаев Данел, беспарт., за то, что поругался с полицейским.

3.Хартиев Тбу, член ВКП(б), бригадир полеводческой бригады колхоза, как активист.

4.Гобеев Тумбул, член ВКП(б), за то, что был председателем с/исполкома» [6, 155]

После кровавых злодеяний, в течение января и февраля 1943 г. финны вместе с немцами отступали до Пролетарской, где успешно принимали участие в боях против советских войск, но под давлением Красной армии отступали вместе с немцами к Ростову. Когда батальон СС «Нордост» добрался до Изюма, то был выведен из состава дивизии СС «Викинг» и переправлен в Графенвер, затем Руполдинг, где 11 июля был расформирован. Финское правительство не хотело больше продлевать срок службы батальона.

За время службы финские добровольцы понесли серьезные потери. По данным С. И. Дробязко, О. Н. Романько и К.К. Семёно-

ва, через батальон, за время существования, прошли 1500 бойцов: из которых 222 были убиты, а 557 ранены [3, 246] По данным К.К. Семёнова через батальон прошли 2000 человек (с учётом прибывших осенью 1942 г.), потери составили 256 человек убитыми и 686 ранеными. Из числа первого контингента в дивизии «Викинг» служило 429 человек (43 офицера, 196 унтер-офицера и 190 рядовых), а в батальоне — 738 (33, 141 и 594 соответственно). Также в рядах финского батальона «Нордост» с момента прибытия в Германию находились 33 эстонца (все участники Зимней войны) и около десяти шведов [2].

В процессе изучения выяснилось, что в ходе боёв по своей жестокости, финны мало чем отличались от немцев. Это можно проследить по приведённым отрывкам воспоминаний, свидетельствуют о том, что они без всякой жалости убивали пленных.

Таким образом, в ходе проведённого исследования удалось пролить свет на неизвестный аспект истории Северной Осетии периода Великой Отечественной войны: на участие финнов в боях на территории республики. Финские добровольцы СС, введенные в бой в составе дивизии СС «Викинг», принимали участие в боях под Хазнидоном, Чиколой, Дигоре, Толдзгуне, в последнем совершив военное преступление. Кроме них, в дивизии «Викинг» были также норвежцы и эстонцы. Участие финнов в боях на Кавказе получило высокие оценки со стороны немцев, но даже иностранные добровольцы не могли помочь немцам добраться до кавказской нефти. Данная информация, ранее неизвестная, является ценной для продолжения изучения военной истории Северной Осетии.

1. Иванов С. В. Финские добровольцы СС на восточном фронте. «Солдат на фронте» №57, «Нота» Белорецк, 2005. 60 С.

2. Семёнов К. К. Иностранные добровольцы войск СС. Униформа армий мира. М.2002. Электронный ресурс. Режим доступа. [<http://padabum>], Дата обращения (15.06.2020).

3. Дробязко С.И. Романько О.Н. Семёнов К.К. Иностранные формирования Третьего рейха. АСТ: Астрель, 2011. 830 С

4. Батлер Р. SS Wiking: История пятой дивизии СС «Викинг». 1941-1945 Пер. с англ. С. Буренина. - М.: АСТ МОСКВА ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 192 С.

5. Тике В. Батальон «Нордост» в боях за Кавказ. Финские добровольцы на восточном фронте 1941-1943. ЗАО «Центрполиграф». 2015. Электронный ресурс. Режим доступа [<https://topknig.pro/>]. Дата обращения: (05.09.2020).

6. «Память о пережитом». Архивы Республики Северная Осетия-Алания – 75-летию Победы. Сборник документов и материалов. – Владикавказ: Изд-во «Харизма», 2020. 250 С.

7. Иносми.ру/ Россия сегодня. «Толдзгун, канун 1943 года: финские саперы расстреляли «гражданских шпионов» и военнопленных (Национальный архив Финляндии) Электронный ресурс. Режим доступа: [<https://inosmi.ru/20191221/246490675.html>]. Дата обращения: (08.08.2021).

С.А. Секинаев,
аспирант СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

РОЛЬ ЖЕНЩИН И МОЛОДЕЖИ
В РАБОТЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ

В статье проанализирована роль женщин и молодежи Северной Осетии в работе промышленных предприятий и сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны. Многие аспекты истории Великой Отечественной войны до сих пор остаются малоисследованными. К числу таковых относится участие женщин и молодежи Северного Кавказа в укреплении тыла. При этом следует отметить, что исследований по военной повседневности опубликовано немало, но роль женщин и молодежи Северной Осетии в работе промышленности и сельского хозяйства остается малоизученной. В процессе данного исследования выявлено, что женщины и молодые люди быстрыми темпами осваивали многие производственные специальности и приходили на смену ушедшим на фронт. Приведенный в статье материал позволяет сделать вывод о роли вклада женщин и молодежи в работу промышленных предприятий и сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: промышленные предприятия, ВОВ, молодежь, рабочие кадры, Северная Осетия, сельское хозяйство.

The material presented in the article allows us to conclude about the huge contribution of women and youth to the work of industrial enterprises and agriculture during the Great Patriotic War. These include the participation of women and youth of the North Caucasus in strengthening the rear. At the same time, it should be noted that a lot of studies on military daily life have been published, but the role of women and youth of North Ossetia in the work of industry and agriculture remains insufficiently discussed. In the process of this study, it was revealed that women and young people quickly mastered many production specialties and came to replace those who enlisted ranks in the army. The material presented in the article allows us to conclude about the significance of the contribution of women and youth to the work of industrial enterprises and agriculture during the Great Patriotic War.

Keywords: industrial enterprises, the Great Patriotic War, youth, workers, North Ossetia, agriculture.

В советской историографии тема участия женщин и молодежи Северной Осетии в Великой Отечественной войне нашла свое отражение уже в 1941-1945 г. и послевоенные годы в многочисленных изданиях, публикациях в периодической печати: «Социалистическая Осетия», заводские газеты: «На рельсы», «Рабочий Электроцинк».

Задача усиления помощи фронту в соответствии с указаниями Центрального Комитета партии требовала от партийной организации республики проведения большой политико-воспитательной и организаторской работы среди населения, чтобы обеспечить промышленность, сельское хозяйство и транспорт рабочей силой [1,66].

Выполняя директивы Центрального Комитета, Северо-Осетинская партийная организация широко разъясняла населению необходимость замены на производстве ушедших на фронт людей. Она призывала всех граждан республики, не занятых на производстве, идти на фабрики и заводы, в колхозы и машинно-тракторные станции и своим самоотверженным трудом оказывать помощь фронту.

В результате большой разъяснительной работы, многие пенсионеры республики добровольно вернулись на производство и стали работать не покладая рук. Они не только работали сами, но и брали шефство над молодыми рабочими и работницами, чтобы помочь им овладеть техникой и технологией производства, что имело серьезное значение в деле обеспечения промышленности рабочей силой и организации быстрорастущего военного производства [2, 4].

В разрешении проблемы кадров в промышленности и в сельском хозяйстве огромную роль сыграли женщины и молодежь, пришедшие на производство и заменившие своих отцов, мужей, сыновей и братьев, ушедших на фронт [3, 50].

«Женщина, – писал Ленин, – может трудиться и в условиях военных, когда дело идет о помощи армии, об агитации среди нее. Женщина во всем этом должна принимать активное участие, чтобы Красная Армия видела, что о ней заботятся, о ней пекутся» [4, 27].

Героическая работа советских женщин в период войны получала высокую оценку Центрального Комитета партии. Центральный Комитет партии отметил неоценимые заслуги женщин в деле защиты Отечества, самоотверженно работавших на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, на транспорте и в учреждениях, мужественно перенесших все трудности и лишения военного времени и вдохновлявших на ратные подвиги воинов Красной Армии.

Женщины Северной Осетии, как и все советские женщины, с первых же дней войны отдавали все свои силы и знания на помощь фронту - делу разгрома врага. С первого же дня войны с Орджоникидзевского лесозавода «Красное знамя» ушли на фронт многие столяры, слесари, кузнецы, маляры, плотники и др. Женщины – полировщицы завода заняли места мужчин, ушедших на фронт. 23 июня 1941 г. они обратились ко всем женщинам Северной Осетии с призывом последовать их примеру. 28 октября 1941 г. общее городское собрание женщин города Владикавказ приняло обращение «К женщинам, матерям, женам и сестрам Северо-Осетинской АССР». Обращение призывало женщин Северной Осетии идти на производство, чтобы отдать все силы и способности на выполнение задач, поставленных партией и правительством [5, 124].

Женщины Северной Осетии десятками и сотнями пошли на предприятия. С 23 июня по 5 июля 1941 года на завод «Электроцинк» поступило на работу 116 человек, из них 31 женщина. Кроме того, 80 женщин – жен рабочих, инженеров, техников и служащих завода «Электроцинк» подали в партком завода следующее заявление:

«Теперь, когда наглый враг напал на нашу любимую Родину, мы не можем остаться в стороне от того патриотического движения, которое охватило в данный момент всю нашу страну. Мы добровольно организуем резервную рабочую бригаду и будем выполнять любую работу на заводе, на какую бы нас ни послали» [6, 23].

К 1 июля 1941 г. в хлебном цехе Орджоникидзевского пищекомбината вместо 17 мужчин, ушедших на фронт, стали на работу

женщины – домохозяйки. В пищекомбинат поступило на работу 25 женщин, заменив собой ушедших на фронт мужчин. 50 женщин – домохозяйек пришли и заменили ушедших на фронт мужчин Бесланского маисового комбината.

Женщины изучали и быстро овладевали производственными специальностями. Только в одном 1943 г. на заводе «Электроцинк» новыми производственными специальностями овладели 153 женщины, на Орджоникидзевской Госшвейфабрике имени С.М. Кирова – 168 женщин, на Орджоникидзевском Госкожзаводе – 220 женщин. Так обстояло дело и на других предприятиях республики [7, 20].

О роли женщин в промышленности Северной Осетии красноречиво говорят данные об их удельном весе среди общей массы производственных рабочих. Так, например, на 1 апреля 1944 г. женщины составляли 52 % от общего числа рабочих, занятых в промышленности республики.

Огромную роль сыграли женщины и в социалистическом сельском хозяйстве. Многие женщины работали на руководящих постах. На тракторах, комбайнах, сенокосилках – всюду женщины заменяли мужчин, они обрабатывали колхозные поля, выращивали богатые урожаи, своевременно убирали и сохраняли хлеб. В первые же месяцы войны 103 девушки изучали трактор и работали трактористками. На животноводческих фермах женщины заботливо выращивали молодняк и увеличивали поголовье общественного животноводства и тем самым обеспечивали фронт всеми видами продовольствия, а промышленность сырьем.

В работе промышленности и социалистическом хозяйстве женщины показывали образцы подлинного трудового героизма. Например, мотористка цеха №2 Государственной швейной фабрики им. С.М. Кирова Квашина при плане 170 единиц спецпошива давала 340-350 единиц. Ручница этого же цеха Дракова систематически выполняла нормы на 200 % [8, 42].

На Орджоникидзевском Госпивзаводе Галазова Мария работала за трех человек. За самоотверженный труд Галазова была награждена медалью «За трудовое отличие» и значком «Отличник соревнования Наркомпищепрома Союза ССР». Доярка колхоза

им. Калинина, сел. Ногир, Орджоникидзевского района, Джатиева от закрепленных за нею 10 коров в 1941 г. получила 12.080 литров молока. Свиноводка сельхозартели «Красный Октябрь», станции Николаевской, Дигорского района, Елена Климовская при плане 110 поросят в 1941 г. получила и вырастила 150 поросят.

В передовой шеренге героической советской молодежи шла и молодежь Северной Осетии, героически боровшаяся на фронте и самоотверженно работавшая в тылу на помощь фронту и активно помогавшая делу разгрома немецких войск.

На призыв партии «Все для фронта!», «Все для победы над врагом!» комсомольцы и молодежь Северной Осетии ответили мобилизацией всех своих сил и способностей.

На 22 июня 1941 г. Северо-Осетинская комсомольская организация насчитывала в своих рядах 18.850 человек, из них за годы войны ушло на фронт более 15 тыс. комсомольцев [9, 3].

В первые же дни войны сотни комсомольцев и несоюзной молодежи добровольно ушли на фронт, в том числе секретари Северо-Осетинского областного комитета комсомола Гутнов, Сущенко, Бардаков, секретари райкомов комсомола Цаликов, Кесаев, Басиев, Мурашев, Едзиев, Туаллагов и многие другие. Оставшиеся в тылу комсомольцы самоотверженно работали в промышленности и сельском хозяйстве, организовали здесь фронтовые бригады, принимали активное участие в строительстве оборонительных сооружений, вели агитационную работу. Вся работа комсомола и молодежи республики проходила под руководством ЦК и областной партийной организации, которое имело решающее значение во всей деятельности комсомола и молодежи. Комсомольцы промышленных предприятий республики выступали инициаторами социалистического соревнования; они возглавляли движение новаторов; они боролись за повышение производительности труда и за выпуск продукции отличного качества. Патриотический почин комсомольца Горьковского автозавода Букина был широко подхвачен всеми комсомольцами Северной Осетии. Так, в июле 1941 г. комсомольско-молодежная бригада Мелихова из Орджоникидзевского вагоноремонтного завода им. С.М. Кирова по примеру комсомольца Букина перестроила

свою работу и систематически стала выполнять нормы на 230 %. Бригада вызвала на социалистическое соревнование все комсомольско-молодежные бригады Северной Осетии. Следуя почину Букина и бригады Мелихова, комсомольцы вагоноремонтного завода С.М. Кирова Попета, Бочкарев и Пшеничный стали выполнять нормы на 200-250 %. Комсомольско-молодежная бригада Гиоева из Садонских рудников досрочно завершила июльскую программу, выполнив план на 107 %, а с августа 1941 г. систематически выполняла нормы выработки более чем на 200 %. Комсомольцы завода «Электроцинк» Мичугин, Козлянский, Пивда, Муравьев и др. систематически перевыполняли нормы выработки на 200 – 300 и более % [10, 111].

Северо-Осетинский областной комитет комсомола и комсомольские организации районов широко поддерживали и делали достоянием всех комсомольцев и молодежи каждую патристическую инициативу, каждое новое хорошее начинание в стране и республике. В ответ на призыв комсомольцев Московского автозавода «Ознаменовать 24 годовщину Красной Армии новыми производственными победами», комсомольцы Орджоникидзевского вагоноремонтного завода С.М. Кирова взяли на себя следующие конкретные социалистические обязательства:

1. Повысить производительность труда против 1941 г. на 10 %.
2. Организовать соревнование между фронтовыми бригадами, сменами и выполнить в 1942 г. производственную программу не ниже чем на 135 %.
3. Увеличить число двухсотников и трехсотников вдвое.
4. Обучить к 28 февраля 10 комсомольцев – истребителей танков [11, 195]

Инициатива комсомольцев была поддержана всем коллективом завода, вставшим на почетную вахту в честь 24-й годовщины Красной Армии. Комсомольцы завода обратились с призывом ко всем комсомольцам и молодежи Северной Осетии последовать их примеру.

Комсомольцы и молодежь республики горячо поддерживали обращение кировцев, взяли на себя новые повышенные социалистические обязательства и с честью выполнили их. Героиче-

ская борьба комсомольцев и молодежи на фронте и самоотверженный труд в тылу высоко были оценены Коммунистической партией и Советским правительством.

За время войны тысячи комсомольцев и молодежи Северной Осетии были награждены орденами и медалями Советского Союза, 19-ти воспитанникам областной организации было присвоено Советским правительством высокое звание Героя Советского Союза, в том числе командиру подводной лодки «Малютка» А. Кесаеву, автоматчику Х. Мильдзихову, артиллеристу К. Тогузову, летчику Карасеву, танкисту Мнацаканову, разведчику Давыдову и др.

Комсомольцы и молодежь Северной Осетии шли на фабрики, заводы, в колхозы, совхозы, быстро изучали и овладевали производственными специальностями и успешно заменяли ушедших на фронт квалифицированных рабочих.

За годы войны на заводе «Электроцинк» было обучено разным специальностям свыше 2000 человек, а на вагоноремонтном заводе более 1060 молодых рабочих и работниц [12, 16].

Советские патриоты, мужчины и женщины, юноши и девушки шли массами на Садонские рудники, Бесланский маисовый комбинат, на завод «Стеклотара» и другие предприятия. Они шли также в колхозы, совхозы и МТС и своим самоотверженным трудом оказывали помощь Советской Армии в разгроме немецкой армии.

В деле подготовки специалистов и обеспечения промышленности квалифицированной рабочей силой огромную роль сыграли государственные трудовые резервы, созданные по инициативе Центрального Комитета партии [13, 122].

В начале войны в Северной Осетии функционировали: ремесленное училище № 1, железнодорожное училище № 1 и одна школа ФЗО, в которых обучалось 1050 человек. В ходе войны в республике были созданы ремесленное училище № 2, специальное ремесленное училище № 45 и ремесленное училище № 4. Ремесленные и железнодорожные училища и школа ФЗО за годы войны подготовили и дали промышленности и транспорту более 3900 молодых специалистов.

За период с 1941 по 1945 г. учащиеся Орджоникидзевского ремесленного училища № 1, Орджоникидзевского железнодорожного училища № 1 по заданиям Северо-Осетинского обкома партии и Орджоникидзевского (Владикавказского) Комитета Оборонны изготовили: оборонной продукции на сумму 1.146 тыс. руб.; слесарно-монтажных и столярных инструментов на сумму 633.8 тыс. руб.; произвели качественный ремонт железнодорожных вагонов на сумму 202,7 тыс. руб.; сделали и выпустили запасных частей к тракторам и другим сельскохозяйственным машинам на сумму 36,5 тыс. рублей [14, 104].

Таким образом, в период Великой Отечественной войны в работе промышленности и сельского хозяйства огромную роль сыграли женщины - советские патриотки и героическая советская молодежь, заменившие отцов, мужей, братьев и сестер, ушедших на фронт.

Женщины и молодежь, самоотверженно трудились и вместе со всем народом ковали победу над врагом. Они мужественно преодолевали трудности военного времени и принимали активное участие в развитии социалистического соревнования в успешном выполнении производственных планов.

1. Чибиров Х.Т. Северо-Осетинская парторганизация в период Великой Отечественной войны. Орджоникидзе. Северо-Осетинское книжное издательство. 1957.

2. «Социалистическая Осетия», 10 августа 1941. № 188.

3. Абаев А.И. Рабочий класс Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Орджоникидзе: Ир, 1978.

4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений т. 30, изд. 4. Москва: Гос. издательство политической литературы. 1955.

5. Северо-Осетинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. Орджоникидзе. Книжное издательство Управления по печати. 1968.

6. Худалов Т.Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Владикавказ: СОИГСИ, 1992.
7. Перевалова Е.С. Женщины Северной Осетии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Владикавказ: Ир, 1992.
8. Гадзиева-Балаова Ф.Д. Война у порога. Владикавказ: Ир, 2019.
9. Газета «Социалистическая Осетия», 11 сентября 1941. № 215.
10. Секинаев С.А. Вклад промышленных предприятий г. Владикавказ в достижение победы в ходе Битвы за Кавказ 1942-1943 гг. // Заоблачный фронт: боевые действия в высокогорных районах Кавказа в годы Великой Отечественной войны и их значение/ Материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов, молодых ученых. Карачаевск: КЧГУ, 2020.
11. Гурьев А.И. Андреева Т.С. Владикавказский вагоноремонтный завод им. С.М. Кирова: 100 лет вместе с отраслью и страной. СПб: РЖД – Партнер, 2012.
12. Центр ИПД ГАНИ РСО-Алания. Ф. 1. Оп. 4. Д. 338. Л. 16.
13. Магометов А.А. Разгром немцев под Владикавказом. Владикавказ: Ир, Проект-Пресс, 2015
14. Тедтеев А.А. Защищая Отечество свое. Орджоникидзе: Ир, 1977.

II. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Л.Т. Агмурзаева,
студентка КБГУ им. Х. М. Бербекова,
Е.Г. Муратова,
дин, профессор КБГУ им. Х. М. Бербекова,
(г. Нальчик)

ЕВГЕНИЙ ЗАХАРОВИЧ БАРАНОВ (1869 – 1935) О ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ В БАЛКАРИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В статье рассмотрены основные вопросы землевладения и землепользования в балкарских обществах Нальчикского округа Терской области в последней четверти XIX в., нашедшие свое отражение в творчестве Евгения Захаровича Баранова (1869 – 1935). Показан вклад журналиста в исследование сложных социально-экономических вопросов истории горских народов и их отражение на страницах региональной печати.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Е.З. Баранов, журналистика, Балкария, балкарцы, землевладение, землепользование.

The article deals with the main problems of land ownership and land use in the Balkar communities of the Nalchik district of the Terek region in the last quarter of the XIXth century, which were reflected in the articles of Yevgeny Zakharovich Baranov (1869-1935). The contribution of the journalist to the study of complex socio-economic issues in the history of the mountain peoples and their reflection on the pages of the regional press is shown.

Keywords: North Caucasus, E.Z. Baranov, journalism, Balkaria, the Balkars, land ownership, land use.

Журналистское наследие Евгения Захаровича Баранова (1869 – 1935), работавшего в ряде кавказских газет, практически неизвестно современным исследователям. Вместе с тем его корреспонденции, обзоры, путевые заметки и специальные статьи, в большинстве своем посвященные Кавказу, вносят весомый вклад в создание источниковой базы региональной истории и отражают первый историографический опыт по решению отдельных проблем истории горских народов.

Несмотря на значительный вклад в указанную выше предметную область, библиография работ, посвященных Евгению Захаровичу Баранову, весьма немногочисленна. Здесь, прежде всего, следует назвать новую научно-публицистическую работу Е.С. Тютюниной, наиболее полно представившую жизнь и творчество этого писателя [1]. Вместе с тем исследователи уже не раз привлекали журналистское наследие Е.З. Баранова при рассмотрении различных аспектов северокавказской истории [2], а также в процессе историографических обобщений [3].

Цель данной статьи – проанализировать взгляды Евгения Захаровича Баранова на землевладение и землепользование в Балкарии в конце XIX века.

Начиная с конца 1880-х годов, в региональных периодических изданиях «Терские ведомости», «Терек», «Новое обозрение», «Казбек», «Северный Кавказ», «Вестник курортов», «Кавказский край», «Пятигорский листок» и многих других стали появляться весьма увлекательные по своему содержанию, оригинальные по стилю и неповторимые по манере изложения статьи, очерки и заметки под псевдонимами «Е. Горец», «Кабардинец», «Адыге», «Евг.», «Ев. Б.», «N», «З. Лесной». За этими многочисленными псевдонимами скрывался первый журналист Нальчикского округа Терской области Евгений Захарович Баранов. В одном из своих автобиографических сочинений он писал: «Я ушел от отца, нанял комнату у сестры своего товарища. У начальника прослужил год, потом поехал писарем в горный аул. Здесь тоже занялся записыванием терско-татарских сказок, легенд, которые потом помещал в газете «Терские ведомости» [4, 236]. Помимо публикации собранного фольклорного материала, его публикации охватывают довольно широкий и разнообразный спектр – сельскохозяйственных, историко-этнографических, литературно-фольклорных, медицинских и социальных – проблемы. Один только список периодических изданий, в которых Баранов помещал свои работы, насчитывает 44 наименования, не говоря уже об отдельных его изданиях.

Наибольшее значение для рассматриваемой темы имеют работы Е. Баранова «Очерки землевладения в горах» и «Очерки из

жизни горских татар Кабарды». Очерки были выполнены журналистом по заданию редактора газеты «Терские ведомости» Е.Д. Максимова, который поручил Евгению Баранову изучить порядок землевладения и землепользования у народов Северного Кавказа. По оценке современного этнолога А.И. Мусукаева, эти две работы Е.З. Баранова «можно определить как научно-исследовательские».

А.И. Мусукаев считает, что Е.З. Баранова отличает «умение представить материал как бы на фоне патриархально-феодальных и развивающихся капиталистических отношений Балкарии конца XIX в., живо нарисовать социальную жизнь балкарского народа в этот период его истории. Его работы являются важным источником при изучении сельской общины... Евгений Захарович вводит в этнографическую науку новый, еще неизвестный до него, материал, конкретизируя и уточняя представления о жизни и быте горцев. Но у Баранова, как у человека, не специализировавшегося в области этнографии, естественно, были и определенные ошибки... он считал идентичными понятия «общество» и «аул», между тем как сельская община в Балкарии включала все населенные пункты какого-то ущелья» [5, 96-111].

Материал для своих статей Е.З. Баранов черпал из личных наблюдений и бесед с людьми во время поездок по аулам Терской области. Здесь также пригодился его опыт работы в участковом правлении, ведавшем балкарскими населенными пунктами. Должность писаря в аульном правлении открывала ему доступ к управленческой и архивной документации по интересующему кругу вопросов.

В XIX в. большинство населенных мест Балкарии было расположено по берегам многочисленных рек, на солнечной стороне ущелий, на естественных террасах, созданных речным наносом. Е.З. Баранов так описывал свои впечатления о балкарских аулах: «Группы небольших сакль, почти громоздящихся одна на другую, строятся они так тесно, что с крыши одной сакли можно переходить на крыши соседних. Дворы часто расположены по скатам отлогого холма и по карнизам отрывистых скал, так что на путника они, с первого взгляда на них, производят впечатление скорее

орлиных гнезд, чем человеческих жилищ. Горский аул состоит часто из многих небольших аульчиков, в 2–3 двора, расположенных от центра аула на несколько верст. Улицы в ауле так тесны и кривы, что в них с трудом проезжает воловья арба» [6, 3]. Такая застройка объяснялась тем, что в горах было мало удобной земли, и дома строились на скалистых малопригодных для пользования участках. До конца XIX в. сохранились родовые кварталы: из-за острого малоземелья родственники, не имея возможности селиться в другом месте, оставались на территории родового квартала, тесня друг друга.

В «Очерках о землевладении в горах» Е. З. Баранов дает развернутую характеристику поземельных отношений в Балкарии, тщательно анализирует, сколько и каких угодий было в горских обществах, кому и на каких условиях они принадлежали, определяет отношение различных сословий к земле, рассматривает вопрос о сельских общинных пастбищах и разнообразных видах аренды.

В частности, он указывает на различия в характере землевладения балкарцев и кабардинцев. «Характер землевладения у горских татар, населяющих пять отдельных обществ Нальчикского округа – Балкарское, Хуламское, Чегемское, Безенгиевское и Урусбиевское, – пишет Баранов, – резко отличается от общинного в Кабарде, и лишь только в немногих чертах имеет вместе с ним некоторое сходство» [7, 2]. Приходит он к этому суждению потому, что, в отличие от плоскости, в горах «пахоты, покосы и выгоны не представляются глазам путника обширными полями, простирающимися на несколько верст в окружности...». Эти участки земли расположены вокруг поселков и сел «небольшими клочками, по краям которых груды камней и обломки скал». «Эти клочки, – пишет Баранов, – по величине очень незначительны, занимают они несколько квадратных сажен, редко около десятины, каждый окружены каменной оградой, хорошо унавожены и орошены искусственными ручьями и канавами, проведенными за одну-две версты» [7, 3].

Все удобные для занятий земледелием участки Баранов делит «на три полосы». К первой он относит пахотные угодья, ко

второй – сенокосные и к третьей – пастбищные. По данным журналиста, в балкарских обществах нет ни одного пахотного и сенокосного поля, «которым пользовались бы жители общества на общинном праве». И лишь сенокосные поля после проведения сельскохозяйственных работ становились общими, где мог пастись аульский рабочий скот [7, 2]. Эту категорию земель общественного пользования составили приаульные выгоны и частично простые покосы, расположенные в неудобных местах близ аула. По описанию Е.З. Баранова, присельские выгоны были еще меньше, чем пахотные земельные участки, и, кроме того, «загромождены камнями и покрыты скудной травой и мхом». На них могло пастись «только самое ограниченное количество скота и рабочих ишаков, содержащихся при домах» [7, 3]. Такие небольшие выгоны имелись в каждом поселке и составляли поселковую собственность. Располагались они рядом с селом на склонах гор, по руслам речушек, в оврагах, на лесных полянах. Общинные покосные участки также чаще всего принадлежали одному поселку. В пользовании этим выпасом принимали участие лишь те домохозяева, которые имели хотя бы небольшой участок собственной земли [8, 114]. Е.З. Баранов считает, что в горском обществе из 300-600 дворов найдется лишь около 10 хозяев, способных пользоваться своим хлебом и сеном в течение всего года.

Отсюда вытекает проблема – невозможность определить величину пахотных, покосных и выгонных участков сразу, как это можно сделать при общинном землевладении, где каждый домохозяин обладает практически одинаковым количеством общественной земли, ведь в горах «пахоты и покосы у каждого домохозяина неодинаковой величины. Как и неодинаковы поселковые выгоны» [7, 3].

Описывая приусадебную землю, журналист указывает, что она являлась древним видом собственности каждого домохозяина, и что эта земля была невелика по размерам, и ее не хватало для устройства выделяющихся новых дочерних семей. При этом Е.З. Баранов обращает внимание на острое малоземелье в горах и констатирует существование в балкарских обществах «особого

класса земельных пролетариев», то есть тех горцев, которые все не обладали земельной собственностью.

Рассматривая проблему землепользования в горских обществах, нельзя опустить вопрос о земельных переделах. В отличие от закавказской (армянской, грузинской), балкарская община XIX в. не знала земельных переделов. Существовали ли они в более раннее время – судить довольно трудно [8, 71]. Лишь в предании о происхождении чегемских старшин сказано, что «все население участвовало в равной мере во владении землею, земля делилась между дворами и на определенный срок» [9, 253]. Но считать положения из данного источника достоверными достаточно нелегко в силу легендарности повествования, да и трудно поверить, чтобы, то малое количество пахотных и покосных участков земли могло подвергаться переделу. Тем не менее, именно на основе этого предания Е. Баранов пришел к заключению, что частная собственность появилась на территории балкарских обществ после вторжения чужеродного элемента. Публицист считает, что до «вторжения» характер землевладения имел некоторые общинные черты. А именно, «все земли составляли собственность всего селения или общества, и в известные сроки переделывались». Во главе аула стоял князь, который не вмешивался в пользование общинными землями и лишь собирал раз в год дань, а его родовую собственность составляли только земли, прилегавшие ко двору. После возникновения на территории горцев чужеродного элемента, по мнению Баранова, данная система рушится: появляется «князь, вождь победителей» [7, 4], который распоряжается землей на свое усмотрение, возводит в сословия людей, которые получают землю в пожизненное пользование (уздени) и порождают класс зависимых людей с временным правом на землю.

Таким образом, Баранов показывает, как прежний порядок земельного пользования рушился, и взамен его выдвигается начало частной земельной собственности. Несмотря на то, что на правах последней независимо ни от кого землей пользовалось только лишь привилегированное сословие, начало частному землевладению в горах было положено. Постепенно данная си-

стема «вживается» и становится повседневностью. Крупные земельные участки дробятся, население их приобретает, что дает рост немалому количеству собственников.

Е.З. Барановым также был описан еще один любопытный феномен, благодаря которому на территории горских обществ успешно разрасталась частная собственность и оформлялись сословные отношения. Название этому феномену – молочное родство, которое широко было распространено у народов Северного Кавказа. «Укажу на один самый распространенный вид этого родства, – пишет Баранов, – среди горских князей существует обычай отдавать своих детей на вскормление и воспитание в семью простолюдина (но только не холопа). Как бы в благодарность за воспитание молодой князь впоследствии при возвращении в родительский дом, кроме условленных наперед подарков кормилице, наделял семью своих молочных братьев (часто очень многочисленную) землю в пожизненное владение. Последние взамен этого должны были платить ему известную подать ежегодно» [7, 4]. Исходя из этих рассуждений, можно представить, как происходило раздробление большесемейной общины. При этом следует подчеркнуть экономическую составляющую института аталычества, наложившую отпечаток на характер землевладения в горских обществах, страдающих от малоземелья.

После проведения сословной и земельной реформ на Кавказе в 1867 году, порядок землепользования у горцев подвергается некоторым изменениям. Привилегированные сословия, обладавшие землей на правах частных собственников, сохранили за собой всю землю, а зависимое население, которое владело лишь временным правом пользования, лишалось его вовсе. К большинству обезземеленных горцев добавлялись холопы, не имевшие вообще никакой собственности, образовав тем самым новый безземельный класс. В пореформенный период российская администрация пыталась решить острый земельный вопрос.

Начиная с 70-х гг. XIX века, в предгорных районах для безземельных горцев стали создаваться новые селения: Гунделен,

Кашхатау, Хасаут, Хабаз и Чижок-Кабак. Переселение части балкарцев из ущелий в предгорья, изменение границ расселения этноса благотворно сказалось не только на экономических условиях жизни балкарцев, но и на росте их народонаселения, на активизации консолидационных процессов. В новых поселках, где в начале XX в. проживала уже четвертая часть балкарского населения, субэтнические различия начали постепенно стираться, обнаружилась перестройка внутрисистемных связей [8, 123]. Порядок землепользования во вновь образованных предгорных поселениях значительно отличался от такового в традиционных балкарских обществах. Каждому новому селу государство выделило определенное количество земли, и те из крестьян, кто получил соответствующий пай, попали в число коренных жителей. В этих предгорных селах производились переделы земли. Отдельные дворы обладали лишь временным правом пользования землей, наследование земли не практиковалось, поскольку она составляла общинный фонд.

Лес в горских обществах делился между группами поселков в зависимости от их местонахождения по отношению к нему. «Так, леса, растущие по Балкарскому ущелью, тянущемуся на юг, к главному хребту гор, и в местности «Уштулу», принадлежат жителям поселков Верхней Балкарии. В пользовании жителей Новой Балкарии находятся леса, растущие в районе горской территории и примыкающие к границам общего кабардинского леса» [7, 2]. Аналогичная картина наблюдалась и в Чегемском и Хуламо-Безенгиевском обществах. В Урусбиевском же – все лесные дачи принадлежали княжеской фамилии Урусбиевых. Общество пыталось судиться с членами этой фамилии, но в 1889 году Урусбиевы были признаны судом единственными законными собственниками леса. Население пяти горских обществ имело определенные права и на пользование общественным кабардинским лесом, но из-за его отдаленности оно почти не прибегало к этому.

Таким образом, Евгений Захарович Баранов в рамках своей журналистской деятельности внес значительный вклад в исследование отдельных вопросов истории народов Кавказа. Начав

свой творческий путь в газете «Терские ведомости», где была опубликована одна из первых его работ – «Очерки землевладения в горах», Е.З. Баранов глубоко погрузился в исторические и актуальные проблемы региона. Благодаря писательскому мастерству и исследовательскому таланту, журналисту удалось во всех подробностях описать характер землевладения в горах, проанализировать причины и развитие частной собственности, осветить вопрос земельных переделов в балкарской общине, показать, как изменился характер землепользования после уничтожения крепостничества. Тема острого малоземелья у балкарцев становится ведущей в его работах. Одним словом, Баранову удалось создать прочную основу для дальнейшего изучения социально-экономических отношений у кавказских горцев в XIX в. Ведь не случайно журналист много внимания уделял выяснению запутанных, с точки зрения российской администрации, земельных отношений. Повышенный интерес к традиционным формам землевладения и землепользования в горах в значительной степени был связан с проведением аграрных преобразований на Северном Кавказе, начавшихся в 1860-х гг. и не получивших своего окончательного разрешения в нагорной полосе Терской области и в конце XIX в.

1. Тютюнина Е.С. Живой отголосок прошлого: жизнь и творчество писателя Евгения Баранова. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2014. 279 с.

2. Мусукаев А. И. О Балкарии и балкарцах: Архаические общественные организации в трудах дореволюционных авторов и советской исторической науке. Нальчик: Эльбрус, 1982. 183 с.

3. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 496 с.

4. Баранов Е.З. Автобиографические сочинения // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2.

5. Мусукаев А. И. О Балкарии и балкарцах: Архаические общественные организации в трудах дореволюционных авторов и советской исторической науке. Нальчик: Эльбрус, 1982. 183 с.

6. Баранов Е.З. Очерки из жизни горских татар Кабарды // Терские ведомости. 1894. № 141.

7. Баранов Е.З. Очерки землевладения в горах // Терские ведомости. 1892. № 14.

8. Муратова Е.Г. Балкарские общества на пути от традиции к современности (XVII – начало XX в.). Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2012. 157 с.

9. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т 1. М., 1890. 290 с.

Р.З. Пекова,
студентка КБГУ им. Х. М. Бербекова
Е.Г. Муратова,
дин, профессор КБГУ им. Х. М. Бербекова
(г. Нальчик)

ВКЛАД П. И. ХИЦУНОВА В ОБОЗРЕНИЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ АРХИВОВ В 1846–1848 ГГ.

В статье рассмотрена архивоведческая деятельность учителя Ставропольской гимназии Петра Ивановича Хицунова, показан его вклад в обозрение северокавказских архивов в 1846-1848 гг. Это направление деятельности П.И. Хицунова нашло свое отражение на страницах газеты «Кавказ»

Ключевые слова: Северный Кавказ, П.И. Хицунов, архивы, архивное дело, историография, краеведение, газета «Кавказ».

The article considers the archiving activity of the teacher of the Stavropol gymnasium Petr Ivanovich Khitsunov. His contribution to the review of the North Caucasian archives in 1846-1848 is shown. This direction of activity of P.I. Khitsunov was reflected in the publications of the newspaper «Kavkaz».

Keywords: P.I. Khitsunov, North Caucasus, archives, archives, historiography, local history, newspaper «Kavkaz».

В современной историографии уже имели место попытки определить место Петра Ивановича Хицунова в историческом регионоведении, показать его вклад в исследование археологических древностей, в изучение природы, климата и истории южнороссийского края [1]. Обстоятельные работы, освещающие основные этапы его жизненного пути, предприняты М.С. Коршуновым и М.Ю. Вахтиной. Введение в научный оборот таких архивных документов, как «Докладная записка П.И. Хицунова директору Керченского музея древностей А.Е. Люценко от 18 марта 1868 г.» и «Записка о надворном Советнике Петре Ивановиче Хицунове» из научного архива ИИМК РАН [2], а также материалов Ставропольского архива [3] позволили исследователям достаточно полно воссоздать биографию П.И. Хицунова, показать его разносторонние увлечения, просветительские и научные занятия,

сопровождаявшие его в течение всей жизни. Не осталась без внимания и его архивоведческая деятельность [4], [5], [6]. При этом наибольшие успехи были достигнуты в освещении его археологических занятий.

Известно, что, кроме своих прямых обязанностей по службе, Петр Иванович Хицунов занимался редактированием «Кавказского календаря»; начиная с 1839 г., активно сотрудничал с газетами «Кавказ» и «Закавказский вестник»; заведовал делами статистического комитета; постоянно собирал сведения по статистике, географии, этнографии, истории населенных мест Кавказского края; писал научно-публицистические статьи и обзоры. Наиболее значимые из них: «Заметки на пути от Дона до Пятигорска с кратким описанием Ставрополя, Пятигорска и окрестных минеральных вод» [7], «О духовной осетинской школе в Моздоке» [8], «Чихкиринский крест» [9], «Сношение России с северной частью Кавказа» [10], «О состоянии некогда бывшего христианства на Кавказе» [11], «О путешествии Гмелина (в 1770–1774 гг.) по берегам Каспийского моря и взятии его в плен Усмием Каракайдакским» [12], «Исторический, географический и статистический очерк городов Ставропольской губернии» [13], и другие.

Помимо публикационной активности, много времени и сил Петр Хицунов отдал разбору старинных архивов на Кавказе. Это направление его деятельности и составляет предмет данной статьи. Основным источником для анализа послужила работа «О разборе старинных архивов в Ставропольской губернии», представляющая собой извлечение из отчета П. Хицунова о проделанной работе и опубликованная в газете «Кавказ» за 1848 г. [14].

Петр Иванович Хицунов – один из первых ставропольских краеведов, оставивший заметный след в изучении региона. Известно, что родился он около 1809 г., отец его был священником. В возрасте 17 лет Петр Хицунов начал свою службу, определившись в Ростовское духовное правление, занимавшееся делами священников и церковных служителей, где работал в должности копииста и подканцеляриста. Уволившись из духовного ведомства, в 1834–1835 гг. П. Хицунов около года служил в Ростовском временном уездном суде повыйчиком. Затем стал готовиться к

поступлению в высшее учебное заведение [15, 539]. Высшее образование П.И. Хицунов получил в Главном педагогическом институте по филолого-историческому факультету в 1839 г., где, помимо греко-римской словесности слушал лекции о древностях классических у профессоров Грефе и Гримма и прочие факультетские предметы [16, 75]. В 1839 г. Петр Хицунов был назначен старшим учителем русской словесности в Кавказскую областную гимназию. Судя по всему, он хорошо справлялся со своими должностными обязанностями и успешно преподавал, несколько лет заведовал библиотекой гимназии и даже около года занимал директорское кресло. В октябре 1845 года по указу Сената П.И. Хицунов был произведен в следующий чин коллежского асессора и стал потомственным дворянином. До середины 1850 г. состоял на службе в Кавказском и Закавказском крае в должностях инспектора гимназии, директора училищ в Кавказской обл. и Черномории и инспектора классов Закавказского института благородных девиц. Прослужив по общегражданской службе более 8 лет и по учебному ведомству около 12 лет, П.И. Хицунов вышел на пенсию, однако продолжал активно заниматься музейным делом и участвовал в археологических раскопках в Подонье.

Архивоведческие изыскания составляют особую страницу научной биографии Петра Ивановича Хицунова. Первые попытки наладить архивное дело на Кавказе связаны с именем наместника, князя М. С. Воронцова, опытного политика и талантливого администратора. Именно он летом 1846 г. назначил старшего учителя Ставропольской гимназии П.И. Хицунова разбирать старые военные архивы в крае. «В своем письме директору гимназии наместник характеризует педагога «как известного своею любознательностью, ревностно преданного подобным трудам и уже напечатавшего свои разыскания во многих русских журналах...» [15, 546]. Общее руководство архивными изысканиями в регионе было поручено директору канцелярии наместника, С. В. Сафонову, являвшемуся по совместительству также членом Общества истории и древностей Новороссийского края [4, 299].

История архивного дела на Северном Кавказе связана с процессом колонизации и появлением в регионе в XVI в. российской

администрации. Северокавказские дела находились в ведении двух московских приказов: Посольского, ведавшего сношениями с иностранными государствами, и приказа Казанского дворца, которому были подведомственны Астрахань и Терский город в устье Терека – ближайšie в это время к Северному Кавказу русские города. С основания Терского воеводства (1567 г.) в воеводских канцеляриях, приказных избах, а позднее в комендантских канцеляриях в результате сношений как с вышестоящими учреждениями, так и с соседними народами стали накапливаться письменные документы. В источниках не раз упоминались «древние документы» крепости Терки, впоследствии перевезенные в архив Астраханского губернского правления. В 1735 г. Кизляр превратился в административный и торгово-экономический центр Северного Кавказа. Кизлярский комендант, подчиненный Астраханскому губернатору, стал управлять Терским краем. В Кизляр были перевезены документы за 1720-1734 гг. С 1763 г. в Моздоке, затем в Екатеринограде, Георгиевске и Ставрополе стали формироваться архивы, отразившие не только пребывание русской администрации на Кавказе, но и документы, важные для истории Персии, Турции, Грузии и северокавказских народов. Однако невнимание местного начальства к архивам и частые перемещения документов привели к утрате многих из них [5, 12-13]. Несмотря на то, что «из дел этих многое теряется, но сохраняется много интересного и важного» [17, 55].

Современные исследователи показали, что архивное дело на Кавказе в первой половине XIX в. оставляло желать лучшего. В связи с тем, что шла война, материалы, имевшие историческое значение, хранились в неподходящих помещениях, никого не волновала их сохранность и систематизация, централизация была практически невозможной [18]. Большинство важных документов почтовых, таможенных и судебных учреждений были в неразобранном состоянии на протяжении всего XIX века [6, 48]. К сожалению, время не щадит архивы. Если вещественные артефакты могут сохраняться тысячелетиями, то бумажные документы «умирают» намного раньше и требуют специальной заботы.

Сохранившееся дело № 3742 из фонда № 444 канцелярии Кав-

казского гражданского губернатора (опись № 1) показывает, как П.И. Хицунов тщательно готовился к поездке. Он обратился к губернатору с просьбой дать распоряжение областному архивариусу ознакомить его с описями и «дать взглянуть на связки старых дел». Ему было выписано «открытое предписание», и со 2 августа по 1 сентября 1846 г. он пребывал в Кизляре. В своем отчете директору П. Хицунов сообщил: «Во время недавней поездки моей в Кизляр по делам службы случайно я разбит лошадьми и при падении с повозки жестоко ушибся». Со 2 по 8 сентября, а затем с 1 по 9 ноября учитель болел. В сентябре 1846 года Хицунова был вызван попечителем в Тифлис, где он сделал доклад о работе в архивах [15, 546].

По-видимому, работа П. И. Хицунова продвигалась не так быстро, как хотелось бы. Первые отчеты о его архивных изысканиях были опубликованы на страницах газеты «Кавказ» лишь весной 1848 г. Из газетного обзора известно, что при активном участии и содействии со стороны редактора газеты «Кавказ» Г. Константинова в каникулярное время Хицунов отправился в назначенные ему места, осмотрел хранилища старинных дел и представил подробный отчет, удостоившийся особого внимания Кавказского наместника. М.С. Воронцов приказал немедленно приступить к подробнейшему разбору старинных архивов Кавказского края как по военной, так и по гражданской частям, чтобы таким образом предохранить дела от совершенной утраты и извлечь из них все полезное для местной истории края. По военной части разборы архивов были поручены опытным офицерам генерального штаба, а по гражданской – училищным чиновникам в Ставрополе, Георгиевске, Моздоке и Кизляре. К сожалению, эпидемия сильно помешала этой работе, и только к концу 1847 года начался постоянный разбор архивов на всех пунктах [17, 55].

Как следует из отчета П.И. Хицунова, при разборе архивных дел он первым делом сосредоточился на поиске древнейших исторических материалов, относящихся, по крайней мере, ко времени Царей, до 1700 года. Тщательный обзор показал, что таких документов в северокавказских архивах не сохранилось. Хотя, по слухам, у некоторых жителей Кизляра и станиц гребенского ка-

зачьего полка имелись письменные памятники старины, грамоты, записки, охранные листы, наказы, жалованные их предкам за службу; а также серебряные чаши, кубки и прочие исторические артефакты. При этом бывшие в Кизлярском архиве дела Терского воеводства в конце XVIII в. частью были переданы в Астрахань и впоследствии напечатаны в актах Археографической комиссии, а частью погибли в самом Кизляре вследствие небрежного хранения в течение XVIII в. Здесь важно подчеркнуть ту оценку, которую дает П.И. Хицунов, вникнув в содержание чудом сохранившихся древних документов: «...я тотчас заметил, что и между ними кроются не менее любопытные и драгоценные документы, если не всегда годные для общей истории русской, то полезные для местной, частной истории Кавказского края, обширного и разнообразного по народам, составляющего значительную часть нашего отечества» [17, 55]. Таким образом, уже в середине XIX в. П.И. Хицунов прозорливо отмечал важность кропотливой архивоведческой деятельности и необходимость в формировании источниковой базы для региональной истории.

Наибольшее же количество интересных во всех отношениях исторических документов, находившихся в обозреваемых им архивах, относились к XVIII в., к периоду, когда главное управление края находилось на Северном Кавказе, а не за Кавказом после присоединения Грузии к России. При этом П. Хицунов заключает, что «большинство бумаг, отдельно взятые, иногда не важны сами по себе, но в связи с другими, подобно буквам азбуки, взаимно себя подкрепляют и составляют полный исторический смысл: из таких частных черпаются для истории интересные подробности, и на них основываются общие результаты. Нет сомнения, что многие, забытые в пыли, бумаги могут быть также полезны для справок канцелярских, и для соображений начальства» [17, 55]. Это вывод исследователя представляется очень верным, поскольку разбор архивных бумаг осуществлялся не столько в научных и просветительских целях, сколько мог пригодиться в решении актуальных военно-политических и административных задач, учитывая недостаток информации у имперских властей о северокавказском крае и о его жителях.

В процессе обследования П.И. Хицунов составил также общее описание архивных собраний Кизляра и Георгиевска. На тот момент военный архив канцелярии кизлярского коменданта долго находился в плачевном состоянии. По описанию П. И. Хицунова: «До 1842 года кипы дел онаго свалены были на полу беспорядочными кучами и безжалостно были истребляемы и расхищаемы на разные домашние потребности» [19, 65]. Лишь в 1842 году комендант Кизляра князь Шаховской обратил внимание на бумаги канцелярии. Документы были разобраны и систематизированы в хронологическом порядке. Кипы документов перевязали и поместили в отдельную комнату. Однако, по замечанию Хицунова, для такого большого количества дел комната была не слишком вместительна [4, 300].

Что касается архива в г. Георгиевске, который в первой четверти XIX в. являлся центром Кавказской губернии, то во время экспедиции П. И. Хицунова там хранились дела не позднее 1785 г. Составляя обзор архивному собранию, П.И. Хицунов отметил, что в Георгиевске были сохранены материалы на восточных языках, показывающие особенности взаимоотношений России с горскими народами Кавказа, переписка относительно приграничных районов империи, а также переписка с грузинскими царями. Здесь также сохранялись и материалы последней четверти XVIII в. Рязанского, Черниговского и Тамбовского наместничеств, которые имели одного с Кавказским начальника [19, 66].

Несмотря на относительно хорошую в то время сохранность документов, о способе их хранения в Георгиевском архиве П.И. Хицунов критически заключил: «...Помещение столь неудобно и тесно, что их принуждены были сложить в огромную кучу и набить ими всю комнату без всякого порядку. Дела нет никаких описей; они не пронумерованы и не подшиты, но связаны по годам, смотря по времени поступления каждой бумаги» [19, 65]. Поэтому предпринятый Хицуновым обзор Георгиевского архива был весьма своевременным. К концу 1880-х гг., после того, как остатки материалов из Георгиевска были привезены в Тифлис для их окончательного разбора, выяснилось, что они «до такой

степени поблекли и заплесневели, что едва поддались самому терпеливому исследованию» [6, 47].

Таким образом, кавказской администрацией в середине XIX в. были предприняты меры по разбору и охране местных архивов. На начальном этапе этой деятельности большой вклад в архивное дело на Северном Кавказе внесли местные чиновники, преподаватели гимназий, администраторы и военные. Достойное место в этой плеяде занимает учитель Кавказской областной гимназии Петр Иванович Хицунов, которому одному из первых в 1846-1848 гг. было доверено разбирать старинные военные архивы в крае. Он с большим энтузиазмом взялся за порученное дело. Значимость научного наследия П.И. Хицунова заключается в том, что он составил достаточно полные обзоры обследованных архивов, охарактеризовал ценные архивные собрания, значительная часть которых не сохранилась до наших дней. Созданные им научные описания существенно обогатили историю архивоведческих изысканий в регионе. П.И. Хицунов являлся большим тружеником и скрупулезным исследователем. Его волновали условия хранения документов в провинциальных архивах, ибо вели к невосполнимой утрате исторического наследия. Он ставил вопрос о значимости обнаруженных материалов, в первую очередь, для северокавказской истории. Рассмотрение архивоведческой деятельности Петра Ивановича Хицунова позволяет сделать срез социокультурной среды российской провинции, проанализировать развитие и существование северокавказского научного общества в середине XIX в.

1. Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII-начало XX века. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 496 с.

2. Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана на Темир-Горе (по материалам научного архива ИИМК РАН) // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период антич-

ности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 73–82.

3. Коршунов М. С. Петр Иванович Хицунов // Ставропольский хронограф на 2001 год: Краеведческий сборник. Ставрополь, 2001. С. 257–265.

4. Урушадзе А.Т. Архивы городов Северного Кавказа в 1847–1848 гг. // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.). Ростов-на-Дону, 2015. С. 299–304.

5. Муратова Е. Г. История становления архивного дела на Северном Кавказе. XVII – начало XX в. // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 10–22.

6. Максимчик А.Н., Манышев С.Б. «...Собрать из архивов главные акты и сведения...» (Кавказская Археографическая Комиссия и архивное дело на Кавказе во второй половине XIX в.) // Новое прошлое. The New Past. 2020. №2. С. 44–61.

7. Хицунов П. Заметки на пути от Дона до Пятигорска с кратким описанием Ставрополя, Пятигорска и окрестных минеральных вод // Отечественные записки. 1841. № 7. С. 1–13; № 8. С. 49–61.

8. Хицунов П. О духовной осетинской школе в Моздоке // Кавказ. 1846. № 13.

9. Хицунов П. Чихкиринский крест // Кавказ. 1846. № 15.

10. Хицунов П. Сношение России с северной частью Кавказа // Кавказ. 1846. № 16.

11. Хицунов П. О состоянии некогда бывшего христианства на Кавказе // Кавказ. 1846. № 34.

12. Хицунов П. О путешествии Гмелина (в 1770–1774 гг.) по берегам Каспийского моря и взятии его в плен Усмием Каракайдацким // Закавказский вестник. 1848. № 50–51.

13. Хицунов П. Исторический, географический и статистический очерк городов Ставропольской губернии // Кавказский календарь на 1848 г. Тифлис, 1847. С. 54–67.

14. О разборе старинных архивов в Ставропольской губернии. (Извлечение из отчета П. Хицунова) // Кавказ. 1848. № 14. С. 55; № 16. С. 65–66.

15. Коршунов М.С. Избранные работы по истории просвещения на Северном Кавказе. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. 730 с.

16. Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана на Темир-Горе (по материалам научного архива ИИМК РАН) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Материалы XVII Боспорских чтений. Керчь, 2016. С. 73–82.

III. ФИЛОЛОГИЯ

Г.А. Милевская,
магистрант СОГУ им. К.Л. Хетагурова;
Э.Б. Сатцаев,
кфн, снс СОИГСИ им. В.И. Абаева

ОБ ИРАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В результате длительного политического, культурного исторического взаимодействия с иранскими народами в языки народов Южного Кавказа проникло большое количество иранских лексических элементов. В грузинском языке лексика иранского происхождения соотносится со всеми иранскими языковыми эпохами – древне-, средне- и новоиранской. Древнеперсидские лексические элементы, наряду с мидийскими и авестийскими, были широко распространены в древнегрузинском языке, что засвидетельствовано в письменных памятниках грузинской истории.

Подробный языковой анализ лексического состава грузинского языка с точки зрения иранских заимствований различных языковых периодов представлен в труде М.К. Андроникашвили «Очерки по ирано-грузинским языковым взаимоотношениям».

В статье приводятся примеры лексических единиц грузинского языка иранского происхождения и их периодизация.

Ключевые слова: персидский язык, иранские языки, древнегрузинский, языковые заимствования.

As a result of long political, cultural and historical interaction with the Iranians, a large number of Iranian lexical elements were borrowed into the languages of the South Caucasus. In the Georgian language, the lexis of the Iranian origin correlates with all Iranian language periods: Old, Middle and New Iranian. Ancient Persian lexical elements, along with Parthian were widespread in the ancient Georgian language, which is attested in the written monuments of Georgian history.

A detailed linguistic analysis of the lexical composition of the Georgian language from the point of view of Iranian borrowings of various linguistic periods is presented in the work of M.K. Andronikashvili "Studies in Iranian-Georgian linguistic contacts".

In the article the examples of the lexical elements of the Georgian language of Iranian origin and their periodization are given.

Key words: *the Persian language, Iranian languages, the Old Georgian language, lexical loans.*

Кавказ является мостом между Азией и Европой, по которому переселялись многочисленные народы и племена [1]. Часть этих переселенцев оседала в этом регионе, где сейчас проживает более шестидесяти различных народностей. Эти народы относятся к пяти языковым семьям: картвельской, адыго-абхазской, нахско-дагестанской, алтайской и индоевропейской.

По мнению большинства ученых, на Кавказе автохтонными являются языки нахско-дагестанской, адыго-абхазской, картвельской и индоевропейской семей, и проникли они сюда очень давно, по крайней мере, до десятого века до нашей эры [2, 276-311]. Начиная с десятого века до нашей эры, в исторических источниках появляются сообщения о племенах, проживающих на этой территории, особенно в её южной части. По мнению древних авторов, эти племена исконно проживают на Кавказе. В них кавказские языки не зафиксированы (за исключением языка «урарту»), но ученые, на основании косвенных данных, считают большинство из этих языков родственными «хуррито-урартским языкам». Алтайские языки проникли на Кавказ недавно, не ранее шестого века нашей эры, когда тюркоязычные племена пришли в эти регионы, сначала на территорию Северного Кавказа, а позже на Южный Кавказ [3, 269-278].

В одиннадцатом веке очередная волна тюрков вторглась на Кавказ и осела к югу от Кавказского хребта.

Проблема автохтонности индоевропейцев на Кавказе вызывает споры. По данным археологии, в степных районах Северного Кавказа и в горах Центрального Кавказа, индоевропейцы являются автохтонным народом. Что касается южной части Закавказья, индоевропейцы (армяне) появились на данной территории не позже четырнадцатого века до нашей эры. В языковом плане предками армян являются фригийцы, которые проживали на Балканах [2, 170-207].

На автохтонные кавказские языки больше всего повлияли иранские языки. Между этими языками нет генетического родства.

Иранские народы и их языки начали соприкасаться с народами Кавказа в начале первого тысячелетия до нашей эры. Эти процессы отразились в различных исторических источниках. Древние авторы фиксировали происходящие здесь события, более того, иранские народы длительный период определяли исторические процессы на Кавказе. Через иранцев многие народы Кавказа вышли на историческую арену [4, 67-74].

Скифы сыграли решающую роль в формировании государства Фарнавазидов [4, 70-74]. Территория Южного Кавказа входила в состав иранских государств (Мидии, Парфии, Ахеменидов, Сасанидов, Сефевидов и других).

Мидийское царство существовало в 670-550 гг. до н.э. и в годы своего расцвета включало в себя территории районов современного Азербайджана, частично Грузии и Армении.

В истории не осталось письменных источников на мидийском языке. Однако историк Геродот, ассирийские источники утверждали, что мидийцы разговаривали на иранских диалектах. Геродот приводит несколько слов из мидийского языка, которые отчетливо говорят о том, что их язык – иранский [4,68].

В древнегрузинских летописях встречаются имена: Артаваз, Парнаваз и Азо. Эти имена иранского происхождения. Само название, древнейшей грузинской династии Фарнавазидов, также восходит к корню «*farna*», что соответствует осетинскому, мидийскому *farn* – в значении “счастье”, “величие”.

Историю самих иранских языков делят на три основные эпохи:

1. древнеиранская языковая эпоха
(с начала 2 тысячелетия до н.э. по 4-3 вв. до н.э.)
2. среднеиранская языковая эпоха
(4-3 вв. до н.э. – 8-9 вв. н.э.)
3. новоиранская языковая эпоха
(9-10 вв. н.э. – по настоящее время) [4,57].

В период правления династии Ахеменидов в 521 г. до н.э. тер-

ритория Персии была разделена на 20 военно-административных округов – сатрапий, во главе которых стояли назначенные чиновники-сатрапы. По свидетельству Геродота, Колхида вместе с Фракией и Нубией, будучи сатрапиями, фактически не управлялись Персией, но несли обязанность отправлять в Персию каждые пять лет сто девушек и юношей, а во время войны отправлять воинов. Грузинский историк Г. А. Меликашвили отмечал, что в древнеперсидском языке для обозначения сотни девушек и юношей в качестве дани из Колхиды и других сатрапий использовался термин *<kurtaš maniya>*, а в грузинском языке *<droebitmonebi>* «временные рабы» [5, 236-238]. Так, из древнеперсидского *<maniya>* произошло грузинское слово *<mona>* = «раб».

Иранскими по происхождению считаются также древние грузинские лексемы, такие, как устаревшая *bagni* «бог» – это мидийское слово *baga* – бог. Оно встречается и в армянском языке [6].

Другая лексема – это *spileri* «медь» – происходит от мидийского *pirinj*.

Еще больше слов попало в грузинский в среднеиранскую языковую эпоху. Это времена парфян и Сасанидов.

Слово *<ganzi>* «клад» на среднеиранском *<ganj>* – богатство, в армянском *<ganja>*, греческом и арамейском *<ginza>*. Грузинская форма *<ganzi>* поддерживает мидийскую теорию.

Abjari – доспехи, броня; по происхождению – от среднепарфянской формы в значении «оружие». Заимствование слова *<abjari>* в грузинский язык произошло в период династии Аршакидов. Поскольку династия Аршакидов имела влияние на обширные территории Южного Кавказа, многие лексические единицы данного периода можно встретить также в армянском языке.

Avazaki – разбойник, бандит, в изначальном значении – «уносить», вошло в грузинский язык в период династии Аршакидов.

Это слово – исконно парфянское, которое перешло в грузинский язык из армянского, а в последний – из парфянского.

Однако наиболее значительное влияние иранские языки оказали на грузинский в новоиранскую эпоху. Грузия административно входила в состав Персии и испытывала огромное влияние и в области культуры, так и языка.

В старогрузинской исторической традиции сама территория проживания иранских племен обозначалась словом *<Sparseti>*. Племенное название *<sparsi>* встречается в грузинских источниках и в таких религиозных текстах, как *Gobronismartviloba*, *Shushaniksmartviloba*. Данная форма соотносится с древнеиранской формой самоназвания *<parsa>*. Среднеиранская форма уже означала одну из провинций Персии, а для названия языка и народа использовалось слово с суффиксом *-ik* *<parsik>*, а в новоиранскую эпоху *-k* отпала.

Грузинский язык заимствовал из персидского языка довольно много имен собственных, географических названий, политических и культурных терминов. Терминология в грузинском обществе также изобиловала иранской лексикой. Представители грузинского дворянского сословия именовались *<aznauri>* – благородный, свободный. Данная грузинская форма происходит от иранского слова *<azat>* “честь”.

История народов Южного Кавказа неразрывно связана с Ираном и иранскими народами: иранский элемент влиял на формирование этносов, их культуры и языка [6, 263]. Засвидетельствованные памятники грузинской литературы различных периодов дают основание утверждать обилие иранских лексических элементов в грузинском языке уже с древних времен, и охватывают они все сферы общественной жизни. В разные исторические периоды подобные языковые заимствования имели характерные для данной эпохи особенности, менялась интенсивность притока иранской лексики и условия ее адаптации [7, 31-245]. При этом иранский элемент влиял на грузинский язык и культуру и с южной стороны, и с северной.

Сами иранские языки делятся на западные и восточные. Персидский язык относится к западной подгруппе иранских языков. Скифский (аланский, осетинский) – к восточной подгруппе.

В истории ирано-грузинских связей прослеживается два периода. В первый период иранские языки значительно влияли на грузинский как с Юга, так и со стороны Севера.

Во второй период влияние западноиранских языков усилилось, в то время как влияние восточноиранских языков с Севера

значительно ослабло. Это связано с тем, что носитель восточноиранского языка – осетинский этнос – потерял свою государственность и престиж. Численность осетин в XII веке катастрофически уменьшилась. В то же время со стороны Юга значительно возросло влияние Ирана. С XVI века большая часть грузин вошла в состав Иранского государства (с особым автономным статусом).

В этот период произошёл огромный приток персидской лексики, значительно повлиявший на грузинский язык.

Тем не менее, нахождение грузинского языка под влиянием языка более могущественного соседа не лишает его самобытности.

-
1. Андроникашвили М.К. Очерки по иранско-грузинским языковым отношениям. Тбилиси, 1996 (на груз. яз.).
 2. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племён Передней Азии. М.: Наука, 1970.
 3. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей // Современное состояние и проблемы. М.: Наука, 1981.
 4. Камболов Т.Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ: Ир, 2006.
 5. Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М.: Наука, 1988.
 6. Меликашвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
 7. Хюбшман Г. Грамматика армянского языка. Лейпциг, 1895 (на немец. яз.).
 8. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Москва-Ленинград, 1949.

**З. Х. Догузова,
научный сотрудник отдела языка
ЮОНИИ им. З. Ванеева
(Цхинвал, Южная Осетия)**

ОБ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ФАКТОРЕ ПАССИВИЗАЦИИ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена русско-осетинским взаимодействиям, являвшимся главным фактором изменений осетинского языка и способствовавшим его пассивизации. Данное лингвистическое явление характерно в основном для городской среды Южной Осетии. На материале живой речи осетин предпринята попытка описать процессы заимствования, калькирования, а также изменений в фонологической, морфологической и синтаксической структурах, лежащих в основе пассивизации.

В статье проводится мысль: результатом влияния языка и культуры больших и развитых народов является ослабление национального самосознания носителей малых языков, нарушение языковой преемственности, чему находим яркое подтверждение в осетинском языке – появление большого количества русских заимствований в то время, как осетинские эквиваленты этих терминов пополнили и продолжают пополнять пассивный фонд языка с последующим переходом в разряд архаизмов.

Ключевые слова: осетинский язык, пассивизация, русский язык, заимствование, конвергенция языков, кальки.

The article is devoted to Russian-Ossetian interactions, which were the main factor in the changes in the Ossetian language and contributed to its passivation. This linguistic phenomenon is typical mainly for the urban environment of South Ossetia. On the basis of Ossetian live speech, an attempt was made to describe the processes of borrowing, calquing, as well as changes in the phonological, morphological and syntactic structures that underlie passivation.

The article argues that the result of the influence of the language and culture of large and developed peoples is the weakening of the national self-consciousness of the speakers of minor languages, the violation of linguistic continuity, which can be confirmed by the Ossetian language, where a large number of Russian borrowings appeared, while the Ossetian equivalents of these terms have replenished and continue to replenish the passive fund of the language with the subsequent transition to the category of archaisms.

Keywords: the Ossetian language, passivization, the Russian language, loan, language convergence, calques.

Истории человечества еще с древности известны различные формы взаимодействия языков. На протяжении своего исторического пути различные этнические общности, коллективы людей и целые нации вступали между собой в те или иные контакты: культурные, политические, экономические, военные и др. Все перечисленные взаимодействия приводили к языковым контактам; языки смешивались, теряли престиж, умирали, зарождались новые языковые системы.

Если история языковых контактов берет свое начало в античности, то научное изучение этого явления стало возможным лишь недавно, в конце XX столетия, с развитием в языкознании такой дисциплины, как лингвистика языковых контактов, контактная лингвистика, или лингвистическая контактология. Теорию языковых контактов в своих работах первыми стали развивать такие языковеды, как И.А. Бодуэн-де-Куртенэ, Л.В. Щерба, Н.С. Трубецкой, Э. Сепир, У. Вайнрайх и другие, взяв за основу труд Г. Шухардта.

Языковые контакты также являются предметом изучения и современных лингвистов. «Изучение пиджинов, креольских и других контактных языков (креолистика) является частью теории языковых контактов, традиционно относимой к социолингвистике. Это представляется оправданным, так как единственное, что отличает контактные языки от «обычных», – это особые условия их возникновения, т.е. не лингвистические, а социолингвистические параметры» [1, 100].

Цель работы: выявить, как явления языкового контакта приводят к пассивизации языка, в том числе и осетинского.

Ходом исследования было заявлено несколько задач:

- 1) описать контактные явления в Южной Осетии;
- 2) сопоставить контактные явления русского и осетинского языков;
- 3) определить степень влияния русского языка на осетинский;
- 4) как сохранить язык в условиях билингвизма.

Формы влияния одного языка на другой

Древнеиранский облик осетинского языка постепенно и многократно менялся вследствие инородных проникновений. В нем

тесно переплетены наслоения разных эпох, культур и языков. И это вполне закономерное явление, если вспомнить слова В.И. Абаева о том, что «не менее двух тысяч лет осетины-аланы являются народом кавказским и находятся в тесных отношениях и взаимодействии с народами коренного кавказского этнического круга» [2, 76].

Как известно, результат взаимодействия языков может привести к различным явлениям, таким, как:

- 1) заимствование лексики (иногда морфем и целых фраз);
- 2) конвергенция языков (сближение отдельных языков на основе длительных контактов);
- 3) кальки (создание собственных слов или фраз, представляющих собой поморфемный перевод из языка-источника) и т.д.

В процессе же более интенсивных языковых контактов возникают такие языковые категории, как пиджины, креольские языки, переключение кодов (смешение кодов), смешанные языки (язык, возникший в условиях широко распространенного двуязычия) и др. Например, вторая половина 20-х годов прошлого века отмечена для осетинской лингвистики как «период увлечения калькированием русских слов и выражений». Именно в этот период осетинский язык образовал такие кальки, как *хæдтæхæг* (самолет), *ногдзау* (пионер), *фæскомцæдис* (комсомол), *фæллойбон* (трудодень), *хъæууон хæдзарад* (сельское хозяйство) и мн. др. [3, 76].

Некоторые заимствования со временем настолько прижились в языке, что воспринимаются носителями как «родные» – из-за частотного употребления, утраты ассоциаций с языком-источником, фонетической или морфологической деформации; например, *пец* (печь), *хъалагъур* (караул), *цинел* (шинель), *дилектор* (директор) и т.д.

Часто влияние одного языка на другой может заходить достаточно глубоко, проникая в такие уровни языка, как морфология и грамматика; в результате контакта двух языков один язык может смениться другим, особенно, когда один из языков имеет более высокий социальный статус. Позиции языка усиливаются по мере того, как укрепляется его влияние на носителей.

Таким образом, в результате влияния культуры больших и развитых народов ослабевает национальное самосознание носителей малых языков, происходит нарушение языковой преемственности из поколения в поколение. Этому процессу яркое свидетельство – появление в современном осетинском языке большого количества русских заимствований в то время, как осетинские эквиваленты этих терминов пополняют пассивный фонд языка с последующим переходом в разряд архаизмов.

Как показывают социолингвистические наблюдения, наиболее подвержены процессу пассивизации некоторые тематические разряды лексики из основного фонда осетинского языка: *практически большая часть терминов родства в живой разговорной речи заменяется русскими синонимами и относится к устаревшей или пассивной лексике*. Напр., в городской местности практически не нашли носителя родного языка, который бы обращался к своей матери на осетинском языке: *гыцци, дзыцца, нана*, потому что оно повсеместно было вытеснено русским синонимом: *мама*. Заметим, что это слово является одним из самых древних на земле в любом языке, и, стало быть, ёмкое слово, важное с культурно-семантической точки зрения, оказалось в осетинском языке на грани вымирания.

Рассмотрим некоторые факторы, влияющие на условия жизни современных языков в социуме.

Стремление к унификации в условиях глобализации становится основным фактором архаизации и исчезновения языков и культур. Мир теряет языковое разнообразие: становясь богаче в материально-экономическом плане, беднеет в культурно-духовном отношении. Исчезают целые народы (убыхи, ассимилированные турками и черкесами, последний носитель умер в 1992г.; аборигены Дальневосточного региона, народ айны, ассимилированные японцами, и мн. др.), а вместе с ними и их языки (нихвский язык в северной части острова Сахалин, язык сиреникских эскимосов, керекский язык на Камчатке и мн. др.).

Процесс вымирания языков обусловлен целым рядом факторов: политических, экономических, исторических, социолингви-

стических и др., но основными причинами исчезновения языков считаются

- 1) вымирание населения (геноцид, стихийные бедствия и др.);
- 2) смена основного языка, которая происходит по разным причинам.

Представители национальных меньшинств, носители миноритарных языков, часто считают, что у них меньше шансов на рынке образования и труда. Чтобы избежать дискриминации, они отказываются от родного языка в пользу мажоритарного. Более низкий статус языка тоже может привести к отказу его носителей от родного языка. Кроме этого, существуют исторические и политические причины исчезновения языков (колонизация, этноцид).

Наблюдается и очевидная тенденция в обратную сторону, что тормозит этот процесс. Лингвисты, работающие над сохранением и ревитализацией языков, в качестве сдерживающего фактора обозначают очень простое, можно сказать, общечеловеческое свойство – стремление к самоидентификации, и чем ярче выражена эта черта у народа, тем больше шансов сохранить свой язык и свою культуру на исторической арене. Смешение затрагивает, в первую очередь, словарный состав. Фонетика, синтаксис и морфология языка также могут подвергаться смешению под влиянием другого языка, но в значительно меньшей степени. Важную роль в этих процессах играет длительность и степень интенсивности контактов двух взаимодействующих языков.

Безусловно, проблема вымирания языков актуальна и для осетинского языка. Несмотря на проведение различных мероприятий с целью улучшения языковой ситуации, зачастую невозможно остановить все нарастающее вытеснение осетинского языка русским.

Известно, что взаимодействие и взаимовлияние языков – естественный процесс. Язык может обогащать свой лексический фонд, но основной фонд следует пополнять с осторожностью, так как потеря основного фонда, по мнению специалистов, верный признак гибели языка. Науке также известно, что интенсивное влияние одного языка на другой (чаще, в условиях широ-

кого двуязычия) нередко оборачивается гибелью для одного из них: он начинает слабеть, терять престиж и постепенно, через несколько поколений, вымирает. Об этой проблеме великий лингвист XX столетия, В.И. Абаев, писал: «Язык в своей истории может сильно изменять, обогащать или терять свой «специальный» фонд, не переставая быть самим собой, тогда как потеря основного фонда была бы равносильна катастрофе. Обогащенный фонд может в самых широких размерах пополняться за счет усвоения из других языков, тогда как заимствование в основном фонде слов-понятий возможно лишь в весьма ограниченных размерах» [2, 16].

В Южной Осетии, заметим, узуальным становится использование так называемого «двуязычного жаргона». Высок процент нарушения и несоблюдения норм осетинского литературного языка, о чём свидетельствуют факты живого языка, и эти процессы зачастую сложно остановить. Высока также вероятность проникновения смешанного жаргона в прессу и другие сферы функционирования языка. Соблюдение чистоты языка не означает полного игнорирования иноязычных элементов. Но это не означает также, что ради обогащения родного языка можно бесконечно заниматься калькированием и заимствованием.

Недавние социолингвистические наблюдения, проведенные нами в Южной Осетии (г. Цхинвал), в условиях русско-осетинского билингвизма, выявили следующие контактные явления. Наши информанты – в основном дети школьного и дошкольного возраста. Условия эксперимента для чистоты результатов были засекречены.

Некоторые из участников опроса, помимо родного осетинского и государственного русского языка, владеют иностранными языками (в основном английским) так же хорошо, как родным. Но явление интерференции (влияние одного языка на другой) в их речи почти не наблюдается, как и смешения структурных элементов английского и осетинского языков в речи, владеющих обоими языками носителей. Напротив, очевидна сильная интерференция в речи тех носителей, которые пользуются двумя языками одновременно: осетинским и рус-

ским. Они с легкостью переключаются с одного языка на другой в зависимости от ситуации. Пользоваться только одним из языков, не переходя на другой, у них получается с большим трудом.

В своем большинстве двуязычные носители в живой разговорной речи настолько сильно смешивают структурные элементы русского и осетинского языков, что такое явление становится нормой и даже не осознается как проблема. Более того, явление дошло до такой степени, что многие носители уверены, что говорят на родном осетинском языке. На наш взгляд, все эти явления нуждаются в тщательном изучении.

Согласно нашим наблюдениям, очевидно, что некоторые категории лексики более подвержены процессам смешения и последующей пассивизации. Из более 500 детей школьного возраста на вопросы, стимулирующие к ответам с содержанием чисел (в каком классе учишься, номера телефонов, год рождения, сумма денег, номер школы и др.) только один (!) школьник использовал в своей речи числительное на осетинском языке. Весьма интересную картину представляет их использование на разговорно-бытовом уровне, – в условиях, когда двуязычный носитель не может осознанно регулировать свою речь. Почти все испытуемые в живой речи заменяют осетинские числительные русскими синонимами, адаптированными под фонетические и грамматические традиции осетинского языка.

Общеизвестным является факт, что заимствованные слова подвергаются фонетической и грамматической ассимиляции в соответствии с системой заимствующего языка. И это естественно, так как любой язык представляет собой организованную систему и не может терпеть чужеродных элементов, нарушающих его системную целостность. Следовательно, любое языковое заимствование можно приветствовать (в фонетическом и грамматическом плане) только при условии не нарушения этой целостной системы.

Для наглядности и удобства сравнения показателей ниже даны иллюстрации в таблицах (здесь и далее).

Таблица 1

Смешанный жаргон	Осетинский язык	Русский язык
Æз седмой къласы ахуыр кæнын	Æз æвдæм къласы ахуыр кæнын	Я учусь в седьмом классе
Писят рубле мæм ис	Фæндзай сомы мæм ис	У меня есть пятьдесят рублей
Търетътæм ахызтæн	Æртыккагмæ ахызтæн	Я перешла в третий
Æз шестъой шкьолайы ахуыр кæнын	Æз ахуыр кæнын æхсæзæм скьолайы	Я учусь в шестой школе
Деяносто девети годы райгуырдтæн	Æз райгуырдтæн нæуæдз фараствæм азы	Я родился в девяносто девятом году
Мæныл шæуы уже двенадцат лет	Мæныл ныр цæуы дыууадæс азы	Мне уже двенадцать лет
Изæры джы девит часовыл футбол уыджен	Изæры дзы фараствæм сахатыл футбол уыдзæн	Вечером в девять будет футбол
Мæ мадыл шæуы сорок два леты	Мæ мадыл цæуы цыппор дыууæ азы	Моей маме сорок два года
Йæ кæстæр хойыл два годика шæуы	Йæ кæстæр хойыл цæууы дыууæ азы	Его младшей сестре два годика
Мæ телефоны номер у во сем девянтсот двадцат деветтæм три сорок один деветтæм	Мæ телефоны номер у: Аст фараствæдæ дыууын фараствæм астæдæ æртæ цыппор иудæс	Мой номер телефона: Восемь девянтсот двадцать деветтæм три сорок один деветтæм
Отъечествæнни хæшт райдыдта сорок пятъи годы	Фыдыбæстон хæст райдыдта цыппор фæндзæм азы	Отечественная война началась в сорок пятом году
Сто хатты дын загътон уже	Ныр дын сæдæ хатт загътон	Я тебе уже сто раз сказал
Десит тицийæ балхæдтон мæ телефон	Дæс минæй балхæдтон мæ телефон	За десять тысяч купил свой телефон
Второй рядыл бадынц иннæтæ дæр	Дыккаг рæггыл бадынц иннæтæ дæр	Остальные тоже сидят на втором ряду
Восмой кабинеты йæ фен	Æстæм кабинеты йæ фен	Посмотри его в восьмом кабинете
Байдауджен урок без двадцати двенадцатыл	Урок райдайдзæнис ссæдз минут цух дыууадæсыл	Урок начнется без двадцати двенадцать
Сто рубле уæ никæмæ ис до завтра?	Соммæ уæ сæдæ сомы никæмæ уыдзæнис?	Ни у кого не будет сто рублей до завтра?
Один месяцы фæстæг мыл восемнадцат сыххæст уыджен	Иу мæйы фæстæг мыл Æстдæс азы сыххæс уыдзæнис	Через месяц мне будет восемнадцать лет
Две тысяча второй годы мыл цыд три года	Дыууæ мин дыккагæм азы мыл цыд æртæ азы	В две тысяча втором году мне было три года

<i>Иу годы фæстæ уыджен две тысяча восемнадцатый год</i>	<i>Иу азы фæстæ уыдзæн дыууæ мин æстдæсæм аз</i>	<i>Через год будет две тыся- ча восемнадцатый год</i>
<i>Æз дæм радтон двести рубле</i>	<i>Æз дæм радтон дыууæ сæдæ сомы</i>	<i>Я дал тебе двести рублей</i>
<i>Мæныл шæуы три го- дики</i>	<i>Мæныл цæуы æртæ азы</i>	<i>Мне три годика</i>
<i>Мæ телефоны ма мын дæ пожалуйста триста ру- блей бауаж</i>	<i>Мæ телефоны ма мын дæ хорзæхæй æртæ сæдæ сомы бауадз</i>	<i>Скинь мне, пожалуйста, на телефон триста ру- блей</i>
<i>На пятьсот рублей ма мын каффеттæ радтут</i>	<i>Фондз сæдæ сомы аргъ ма мын каффеттæ радтут</i>	<i>Дайте мне конфеты на пятьсот рублей</i>
<i>Часы дæм второй шко- лайы раз лæудзыстæм</i>	<i>Фыццаг сахатыл дæм дыккаг скъолайы лæудзы- стæм</i>	<i>Мы будем ждать тебя в час перед второй школой</i>
<i>Девятый школайы ахуыр кæнын</i>	<i>Æз ахуыр кæнын фа- растæм скъолайы</i>	<i>Я учусь в девятой школе</i>
<i>Двадцать восьмой майы нын экзамен ис алгебрайæ</i>	<i>Дыууын æстæм майы нын экзамен ис алгебрайæ</i>	<i>Двадцать восьмого мая у нас экзамен по алгебре</i>
<i>Нæ кълас иуылдæр пя- теркатæ мæ четverka- тыл ахуыр кæнынц</i>	<i>Нæ къласы иуылдæр фæн- дзтæ мæ цыппæртыл ахуыр кæнынц</i>	<i>В нашем классе все учат- ся на пятерки и четверки</i>

Иллюстрации в таблице №1 показывают, что числительные повсеместно заменяются русскими синонимами. При таком «частотном» употреблении числительные осетинского языка в недалеком будущем пополнят число архаизмов. Такое явление не может не вызывать тревогу: поскольку, по мнению специалистов, при вымирании языка первыми из него уходят числительные. По поводу остальных категорий слов-понятий основного фонда языка – терминов родства, например, можно отметить следующее: из опрошенных носителей (около 300) большинство, называя членов семьи и близких родственников, пользуются русскими эквивалентами.

Таблица 2

Двуязычный жаргон	Осетинский язык	Русский язык
<i>Мæ бабушкaiы уарзын</i>	<i>Ме стыр мады уарзын</i>	<i>Я люблю свою бабушку</i>
<i>Мæ дедушкaiыл семдe- сят лет шæуы</i>	<i>Ме стыр фыдыл æвдай азы цæуы</i>	<i>Моему дедушке семьдe- сят лет</i>

<i>Мæ братикыл три годи- ка шæуы</i>	<i>Ме 'фсымæрыл æртæ азы цæуы</i>	<i>Моему брату три года</i>
<i>Мæ дядя мын мæ ден ражденимæ зайчик спа- дарит кодта</i>	<i>Мæ мады (фыды) æф- сымæр мын мæ гуырæн бонмæ тæрхъус балæвар кодта</i>	<i>Мой дядя на день рожде- ния подарил мне зайчика</i>
<i>Йæ двоюродный брат Москвейы ахуыр кæны</i>	<i>Йæ мады хойы лæппу Мæскуыйы ахуыр кæны</i>	<i>Его двоюродный учится в Москве</i>
<i>Уымæн тынг бирæ внук- тæ ис</i>	<i>Уымæн тынг бирæ хъæбу- лы хъæбултæ ис</i>	<i>У него очень много внуков</i>
<i>Мама мæ нæ уажы мæ подружкаимæ гулят кæ- нын изæры</i>	<i>Гыцци мæ нæ уадзы ме' мбалимæ тезгъо кæнын изæры</i>	<i>Мама мне не разрешает гулять с подружкой по вечерам</i>
<i>Мæ папаймæ сом по- даркатæ æлхæнынмæ шæуæм</i>	<i>Мæ бабаймæ сом лæвæрттæ æлхæнынмæ цæуæм</i>	<i>Мы с папой завтра идем подарки покупать</i>
<i>Ме внучкаимæ иу къла- смæ шыдысты</i>	<i>Мæ чызджы чызгимæ иу къласмæ цыдысты</i>	<i>Они с моей внучкой в од- ном классе учились</i>
<i>Мæ одноклассниктимæ кафейы бадæм</i>	<i>Ме 'мкъласонтимæ ка- фейы бадæм</i>	<i>С одноклассниками сидим в кафе</i>

В процессе эксперимента выявилась еще одна интересная тенденция: некоторые дети (особенно плохо владеющие родным языком) на осетинском языке не могут произносить гортанного звука «хъ», заменяя его в осетинских словах русским звуком «к». Нам удалось зафиксировать это явление в иллюстрациях: *мæн нæ къæуы* (вместо *хъæуы*) чай; *мæ бабушка къæуты* (вместо *хъæуты*) цæры; *чи дæ къыгдары?* (вместо *хъыгдары*); *къуг* (вместо *хъуг*) æхсыр дæттты; *чом акъазæм* (вместо *ахъазæм*) двory.

Эти примеры показывают, что процесс смешения затрагивает не только уровень лексики, но и другие уровни языка.

Был проведен также лингвистический эксперимент (с иллюстрациями по окружающему миру) для выявления языкового сознания детей дошкольного возраста: детям было предложено рассказать (на осетинском языке) о том, что они видят на картинках и ответить на задаваемые вопросы. Подавляющее большинство ответов детей младшего возраста (на картинки с рисунками небесных тел, окружающей среды, животных и т. д.) мы получили на русском языке. Наблюдения, с психологической точки зрения, показывают, что дети «думают» на русском языке.

Таблица 3

Смешанный жаргон	Русский язык	Осетинский язык
<i>Уый солнышка у</i>	Это солнышко	Уый у хур
<i>Звездочка-тæ небо-йыл гореть кæнынц</i>	Звездочки горят на небе	Стъалытæ арв-ыл судзынц
<i>Цветочек-тæ луг-ы зайынц</i>	Цветочки растут на лугу	дидинджы-тæ нæуу-ыл зайынц
<i>Дерево-тыл яблоко-тæ зайы</i>	На деревьях растут яблоки	бæлæс-тыл зайы фæткъуы-тæ
<i>Зайчик кустик-ты бамбæхст</i>	Заяц спрятался в кустах	Тæрхъус къутæр-ты бамбæхст
<i>Зайчик-мæ в гости æрбацыд лисичка</i>	К зайчику в гости пришла лисичка	Тæрхъус-мæ уазæгуаты æрбацыд рувас
<i>Медведь-æн медвежонок йæ лæппын у</i>	Медвежонок – детеныш медведя	Арс-æн гыццыл арс йæ лæппын у
<i>Петушок-имæ цæры курочка</i>	С петушком живет курочка	Уасæг-имæ цæры карк
<i>Собачка-йæу йæ лапка-тыл бады</i>	как собачка сидит на лапках	Куыдз-ау йæ дзæмбы-тыл бады
<i>Корова махæн дæтты молоко</i>	Корова нам дает молоко	Хъуг махæн дæтты æхсыр
<i>Молоко-йæ сметана аразынц</i>	Из молока делают сметану	Æхсырæй аразынц æхсыры сæртæ
<i>Дождик гыццыл ценокы сæрыл æр-къап-къап кодта</i>	Дождик накапал на голову маленького щенка	Къæвда чысыл къæбылайы сæрыл æртагъдис

Влияние русско-осетинского двуязычия испытывает на себе ряд осетинских глаголов (в основном составные), представляя в живой речи не менее интересную картину: они практически заменяются русскими синонимами, образуя при этом составные глаголы с осетинским вспомогательным глаголом «*кæнын*». То есть, смысловой глагол употребляется на русском, а вспомогательный – осетинском языке, а глагольные приставки при этом остаются осетинскими.

Таблица 3

Двуязычный жаргон	Осетинский язык	Русский язык
<i>Æз дыл скучат кæнын</i>	Æз дæ мысын	Я скучаю по тебе
<i>Сом мæм иу развонит кæн</i>	Сом мæм-иу радзур	Завтра позвони мне

<i>Поздравлят</i> дæг кæнын!	Арфæ дын кæнын!	Поздравляю тебя!
<i>Чом агулят</i> кæнæм	Цом, атезгъо кæнæм	Пошли, погуляем
<i>Цæмæ йæ унижат</i> кæныс?	Цæмæ йæ дæлдзиныг кæныс?	Зачем ты его унижаешь?
<i>Урокмæ опаздыват</i> кæнын	Урокмæ рæджы кæнын	Я опаздываю на урок
<i>Уыцы зарæг повторят</i> кæнын	Уыцы зарæг фæлхатт кæнын	Ту песню повторяю
<i>Больницайы дæн, лечится кæнын, воспалени лехких мын ис</i>	Рынчындоны дæн, хос кæнын, мæ рæуджытæ схæф сты	Я в больнице, лечусь, у меня воспаление легких
<i>Снадоедат</i> мын кодта уже	Сфæлмæцын мæ кодта	Он мне надоел уже
<i>Дæхишæн шытæ позволят</i> кæныс	Дæхицæн цы бартæ дæттыс	Что ты себе позволяешь
<i>Бабочка крылья-тæй летат</i> кæны	Гæлæбу йæ базыртæй тæхы	Бабочка летает крыльями
<i>Нæ мын отечат</i> кæны <i>звонит</i> æм кæнын мæ ...	Нæ мын дзуапп кæны дзурын æм æмæ...	Я звоню ему, но он мне не отвечает
<i>Уыцы заявлени ма спаdnисат</i> кæн, <i>пажалуйста</i>	Уыцы куырдиатыл ма дæ къух бафысс, дæ хорзæхæй	Подпиши это заявление, пожалуйста
<i>Мæ телефоны нывтæй байдзаг мæ сæ хъуамæ с-удалат</i> кæнон	Мæ телефон нывтæй байдзаг 'мæ сæ хъуамæ схæфон	Мой телефон переполнен фотографиями, и я должен их удалить
<i>Сом мын-иу уыцы статья с-распечатат</i> кæн	Сом мын иу уыцы уац смышуыр кæн	Распечатай мне завтра эту статью
<i>Ма мæ раздражат</i> кæн	Ма мæ мæсты кæн	Не раздражай меня
<i>Абон мын тынг плохо у, тошнит</i> мæ кæны	Абон тынг æвзæр дæн, мæ зæрдæ хæццæ кæны	Сегодня мне очень плохо, меня тошнит
<i>Ма переживат</i> кæн, <i>алцыдæр нормально</i> уыдзæн	Ма тыхс, алцыдæр хорз уыдзæн	Не переживай, все будет нормально

Как показывают иллюстрации, из всех основных категорий слов (названия действий, местоимения, числительные, термины родства, названия небесных тел и окружающего мира) самыми устойчивыми оказались осетинские местоимения. В разговорной смешанной русско-осетинской речи они практически не заменяются русскими синонимами. При анализе наблюдений было

выявлено, что происходит смешение языков, и за счет этого лексика осетинского языка подвергается пассивизации. Стало быть, билингвизм постепенно становится одним из факторов пассивизации и последующей архаизации современного осетинского языка.

Таким образом, заметим, что являемся свидетелями формирования русско-осетинского контактного смешанного жаргонного языка. Этот некодифицированный разговорно-бытовой стиль состоялся на базе русской лексики и осетинской фонетики и грамматики.

Новообразования под воздействием билингвизма

Характер и формы воздействия русского языка на осетинский язык являются достаточно разнообразными. Новые слова, возникновению которых способствует иноязычное влияние, обычно выражаются собственными словообразовательными средствами. В процессе интенсивного взаимодействия двух языковых систем в осетинском языке наблюдается возникновение новых слов, образованных словообразовательными средствами русского языка. Как известно, суффиксальная система чрезвычайно развита в русском языке, особенно при образовании уменьшительно-ласкательных форм. Эти формы отсутствуют в осетинском языке. Между тем, в осетинском разговорном языке все чаще появляются диминутивно-ласкательные формы, образованные с помощью русских словообразовательных суффиксов. Стало быть, наблюдается и обратная тенденция, то есть осетинские слова оформлены русскими словообразовательными суффиксами: *зæрд-улик, зæрд-ик, зæрд-ушка, цар-дик, гæб-ошка, уарзон-ка, дзибу-шка, гæбул-ик, мур-ик* и др. Такая лексика становится особенно популярной в молодежной среде и служит для выражения близких отношений. В осетинском языке все чаще появляются также диминутивные формы собственных имен с суффиксами уменьшительно-ласкательного значения, что совершенно не характерно для традиционной осетинской антропонимии: *Алан+чик, Алан(а)+ка, Сос+ик, Сослан+чик, Арсен+чик, Инал+чик, Уæрхæг+ик, Ац(æ)+ик, Зарин(а)+ка* и др.

Среди интеллигенции и даже в среде говорящих на таком смешанном русско-осетинском жаргоне преобладает пренебрежительное отношение к такой девиантной речи как к неправильной, испорченной, непрестижной. Но в основной своей массе современное осетинское общество настолько привыкло к этому явлению, что даже не замечает и не принимает всерьез всей сложности этой проблемы.

Современная осетинская речь (особенно в городской местности) насыщена элементами русского языка. В отдельных случаях осетинской остается только грамматика.

Таблица 4

Двуязычный жаргон	Осетинский язык	Русский язык
<i>Игрушкæтæ мын спада-рит кæнджынæ нови год-мæ?</i>	Хъазæнтæ мын балæвар кæндзынæ Ног азмæ?	Ты мне подаришь игрушки на новый год?
<i>Тынг грустно мын у, мæ ма мæм-иу чæстæ разва-нит кæн</i>	Тынг æнкъард кæнын æмæ мæм иу арæхдæр радзур	Мне очень грустно, и звони мне почаще
<i>Как всегда, нæ мощ тынг достойно спрадемон-стрироват кодтам.</i>	Нæ тых алыхаттау тынг аккагæй равдыстам	Как всегда, мы очень достойно продемонстрировали свою мощь
<i>Мæ братик мын играт кæнын мешат кæны</i>	Мæ 'фсымæр мæ хъазын хъыгдары	Мой брат мешает мне играть
<i>Мæн нæ приглашать кæ-ныс дæ ден рожденимæ?</i>	Мæн нæ хоныс дæ гуырæн бонмæ?	Меня не приглашаешь на свой день рождения?
<i>Заране мæ-иу спреду-преждат кæн</i>	Рагацау мæ иу бафæд-зæхс	Заранее предупреди меня
<i>Нæ мæ интерес кæнынц ахæм несерьезный пробле-матæ</i>	Нæ мæ цымыдис кæнынц ахæм уæлæнгай пробле-мæтæ	Меня не интересуют такие несерьезные пробле-мы
<i>Тынг фæнервничать кодтон уыцы случайы фæстæ</i>	Тынг фæмаст кодтон уыцы хабары фæстæ	Я сильно понервничала после этого случая

В условиях массового и устойчивого двуязычия характер и направление изменения разговорной речи и литературного языка не во всем совпадают. Разговорная речь, которая в отличие от литературного языка, не поддается сознательному регулированию, под влиянием двуязычия изменяется более интенсивно, чем ли-

тературный язык. В ней сравнительно быстро закрепляются новые заимствования, причём особенно в двух случаях:

- в родном языке нет соответствующих слов;
- устаревшие слова понятны не каждому.

По мнению некоторых специалистов, заимствование слов и выражений, которое в условиях массового двуязычия становятся все более интенсивным, ведет не к обогащению и развитию родного языка, а к падению престижа и самобытности, а затем и к постепенному вымиранию.

Мы полагаем, что *билингвизм* – закономерное явление в условиях современного многонационального государства, но его нельзя путать с так называемым *двуязычным жаргоном*. Двуязычный жаргон характеризуется тем, что иноязычные, в частности русские, слова, не вошедшие в осетинский язык ни в виде заимствований, ни в виде калек, как правило, оформляются в предложении с помощью грамматических средств последнего. Не может не вызывать тревогу тот факт, что процесс такого интенсивного смешения элементов двух языков может дойти до точки невозврата, и последствия могут стать необратимыми. Один из языков выйдет победителем, и это вряд ли будет осетинский.

Поскольку задача эксперимента, прежде всего, состояла в том, чтобы обнаружить общие тенденции, мы не можем удовлетвориться только социалингвистическими описаниями осетинского языка на данном срезе времени. Нужно подняться выше и провести тщательный анализ данного явления.

Таким образом, мы полагаем, что одной из основных причин пассивизации современного осетинского языка является смешение элементов двух языков.

-
1. Багана Ж., Хапилина Е.В. Контактная лингвистика: взаимодействия языков и билингвизм. М., 2010. С. 100.
 2. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949, I, с. 76. С. 16.
 3. Гуриев Т.А. Влияние русского языка на развитие осетинской лексики. Орджоникидзе, 1962. С. 76.

Е.Т. Цагараева,
аспирант СОИГСИ им. В.И. Абаева
(г. Владикавказ)

О САКРАЛЬНО-ДУХОВНОМ ФЕНОМЕНЕ ОБРЯДОВОГО ТЕКСТА КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН ОСЕТИН

Статья посвящена языковым особенностям текста осетинской колыбельной песни как сакрально-духовного феномена. Изучение структуры текстов колыбельных вкупе с другими произведениями обрядовой поэзии осетин высвечивает идеалы, способствуя пониманию мировосприятия и мировоззрения. Колыбельные песни впервые исследуются на предмет их языкового, познавательного и воспитательного значений, что передает своеобразие проникновения в доступной для детского восприятия и слуха форме в сознание ребёнка, приобщая его к родному слову и родной речи, становясь основой этнической картины мира.

Ключевые слова: колыбельные, осетины, фольклор, младенец.

The article is devoted to the linguistic features of the texts of the Ossetian lullaby songs recognized as sacred and spiritual phenomenon. The study of the structure of the texts of lullabies and other works of Ossetian ritual poetry as well, highlights ideals, contributing to the understanding of the world perception and worldview. Lullabies are being studied for the first time in terms of their linguistic, cognitive and educational meanings, which convey the peculiarity of penetration in a form accessible to children's perception and hearing, introducing him to his native word and native speech, becoming the basis of the ethnic picture of the world.

Key words: lullabies, the Ossetians, folklore, baby.

Колыбельная песня... **Авдæны зарæг**... Через неё передается духовная сила младенцу, явившемуся в этот мир; единственное изреченное слово, сочетающее в себе материнский образ и материнскую любовь. Известно, что после пребывания в охранительной утробе матери после рождения на органы чувств ребенка обрушивается огромное количество сенсорных образов и звуков, и лишь поющий колыбельную песню голос матери несет успокоительную функцию. В подтверждение приводим слова о том, что без постоянного пения матерью колыбельных песен ребенок не сможет в должной мере избавиться от инстинктивных

страхов и очеловечиться в душевно-духовную, цельную, свободную от психосоматических комплексов, личность [1, 61].

Объектом исследования является семейная обрядовая поэзия осетин.

Предмет изысканий – языковые особенности текста осетинской колыбельной песни как сакрально-духовного феномена.

Исследование преследовало цель: показать, что колыбельные песни ценны тем, что сохранили подлинность родного языка и родной речи; что изучение структуры фольклорных текстов колыбельных в купе с традициями и другими произведениями обрядовой поэзии осетин высвечивает его идеалы, способствуя пониманию их мировосприятия и мировоззрения.

Для достижения поставленной цели был очерчен круг задач, на решение которых направлено содержание работы:

- показать, что мощный поток традиционной культуры обеспечивает этносу в любых условиях жизни сохранение и образа жизни, и этнического лица;
- определить, что традиция – фон, на котором основана культурная гармония языка, обрядов, фольклора и музыки;
- рассмотреть колыбельную песню как народную, входящую составной частью в семейную обрядовую поэзию осетин;
- выявить особенности авторской колыбельной песни.

В работе использован **комплексный метод** исследования, состоящий из описательного, сравнительно-исторического, структурного, аксиологического и культурологического.

Колыбельные песни впервые исследуются на предмет их языкового, познавательного и воспитательного значений, что передает своеобразие проникновения в доступной для детского восприятия и слуха форме в сознание ребёнка, приобщая его к родному слову и родной речи, становясь основой этнической картины мира.

Результаты изысканий могут быть использованы преподавателями осетинского языка и литературы; они также материал, который может быть необходимым для становления этнической и музыкальной картин мира, а также как источник по эстетической концепции осетинской художественной культуры.

Известно, что народные песни разнятся по ритму, количеству слогов в строке, способу рифмования, – одним словом, отличаются друг от друга комплексом художественно-изобразительных средств. Что же касается колыбельных, то по строгой ритмичности они близки трудовым обрядовым песням (ср. "Онай" – песня женщин, которые валяли шерсть для бурки 'нымæт'; песня при изготовлении дзыкка; песня при заквашивании пива, и др.), но более выразительны, ритмика гибкая, а рифма точнее.

Приведем определение колыбельной песни исследователя русского фольклора В.В.Головина: это "песня, адресованная находящемуся в состоянии перехода и функционально направленная на его завершение" [2, 9]. Да, именно младенец является тем несформированным существом, который чаще всего находится в переходных состояниях – из бодрствования в сон и наоборот. Но сон же в традиционной культуре считается равносильным смерти. Исследователь славянской традиционной культуры Н. И. Толстой писал: «Как смерть, по народным представлениям, не является концом жизни, а лишь переходом ее в другое состояние, так и сон есть временный переход в другое состояние, в «параллельную жизнь», ... сон – посещение «того» света, ... сон – это открытие границы между тем и этим светом» [3, 91].

По осетинским поверьям, новорожденному ребенку угрожают мифические существа. Поэтому с момента вхождения невестки в дом мужа (истинный дом) до появления первенца все обряды сопровождалось атрибутами, носящими охранительный характер. В колыбель новорожденного клали обрядовые предметы: заячьи уши, пули, острые предметы, завязывали красную нитку для противодействия злым духам [4, 23].

В осетинских колыбельных песнях часто встречаются обращения к сказочным существам, животным, насекомым. При этом форма повествования в отдельных текстах явно не указывает на прагматическую сторону колыбельных. Их задача состояла в том, чтобы в том числе обеспечить благополучное возвращение младенца с того света. Вот и обращались в колыбельных к ним – тем существам, животным, насекомым, которые находились там, где ребенок пребывал, с просьбой ему помочь. К примеру, в колы-

бельной песне «Хъæндилæг» ключевым персонажем является жучок. Предстает он в нарядном одеянии воина с острым кинжалом на поясе:

*Ало-ло, ло-ло, а-ло-ла!
Лæппу фынæй акæна.
Уæлæ хъæндил æруайы,
Йæ къахдæфтæ нымайы,
Ацы хъæндил-хъæндилæг,
Йæ базыртæ – æрттиваг,
Йæ астæуыл – цыргъ хъама,
Йæ уæлæ та – цъæх цъухъхъа [6, 513].*

Ало-ло, ло-ло, а-ло-ла!
Пусть ребёнок наш поспит.
Вон жучок спускается,
Шаги свои считая,
Этот жук – жучок,
Крылышки его – серебристо-блестящие,
На талии его – острый кинжал,
А на нем – черкеска серая.

(Здесь и далее подстр. пер.наш. – Е. Ц.).

На связь жучка с потусторонним миром указывает его рассказ о сыновьях, из которого узнаём, что один из них – Тин – играя топором, проломил небесную дверь (*арвы дуар*). Здесь в достаточно легкой форме дается знание о существовании мира иного, отличного от мира явленного. Заметим, что у осетин сохранилась вера в бессмертие человека. Известно, что мир, куда душа попадает после смерти, они называют *æцæг дуне* “истинным миром” [7, 168]. Через игру сыновей жучка в колыбельной и раскрывается понятие потустороннего мира в противопоставление этому, “ложному миру”, – *мæнг дуне*. Разграничение этих понятий говорит о высокодуховном уровне развития народа, потому что, в первую очередь, в земном мире приоритет отдавался чистоте действий и морали. Праведники блаженствуют в истинном мире, а прожившие во лжи и корысти будут мучиться. Это представление отразилось и в нартовском сказании «Сослан в стране мертвых».

Через уникальный образно-информационный код в колыбельной «Хъæндилæг» раскрываются и другие образы царства живых и мёртвых; ср.:

*Иухатт гомæй аздадис,
Иу сау бæх дзы ракастис.
– Чи йын быдта йæ къæдзил?
– Сырдон быдта, тых быдта.*

Однажды открытой осталася,
Выглянул один чёрный конь.
– Кто ему сплел хвост его?
– Сырдон сплел, насильно плел.

Здесь приоткрывается картина за небесной дверью. Представлено, в основном, взаимодействие одного из ключевых образов Нартовского эпоса – шамана, превратившегося в трикстера, Сырдона – и чёрной лошади. На его шаманские корни указывает К. Кочиев [8]. Связь этих двух героев в колыбельной песне имеет эзотерический характер. Созданная Сырдоном двенадцатиструнная арфа служила герою эпоса в магических практиках подобно шаманскому бубену. Символ коня, которому Сырдон заплетает хвост, считается одним из самых древних, о чём свидетельствуют многочисленные археологические находки, изобразительные памятники [9, 149].

В осетинской традиции конь являлся проводником души, его посвящали в обряде умершему мужчине. Он сохранился у осетин со скифских времен. Снаряженного коня накрывали буркой, привешивали к седлу ружье и плетъ, а в гриву вплетали разноцветные ткани, которые касались земли [7, 169].

В обрядовой практике раскрывается мистический акт перерождения физического тела умершего в духовное, астральное существо. Конь из осетинского обряда «бæхфæлдисын» нес на себе душу не простого мужчины, а воина, носителя древней индоевропейской цветовой символики (красного и золотого). В обрядовом тексте упоминается именно черный скакун, который приводится в соответствие с цветовой символикой воинской ка-

сты. На этом коне и отправляется душа воина в истинный мир 'æцæг дунæ', к умершим предкам [9, 154].

Таким образом, колыбельная «Хъæндилæг» обращена, в первую очередь, к мальчику, которого намерены наделить воинским духом. Это ясно вытекает из начала текста *Лæппу фынæй акæна*. – "Пусть ребёнок наш поспит". Жучок призван приобщить на бессознательном уровне к касте воина ребенка, который формируется в полноценного человека в путешествии на границу «между тем и этим светом» – во сне. И ещё. Жучок (хъæндилæг) не случайно выбран проводником: сон, помимо приятной природы, имеет еще и тяжелую форму, с которой даже человеку взрослому справиться не по силам. Жучок в воинском обмундировании благополучно справляется с миссией возвращения младенца в мир людей, наделяя его нужным опытом и знаниями о мире ином. Заметим, что образ жука, вместе с тем, встречается и в египетской мифологии. Скарабей является священным символом Древнего Египта, его называют символом ученичества. Талисманы с его изображением сопровождали египтянина от рождения до смерти. По верованиям египтян, тело умершего содержит в себе зародыш новой жизни, который, после смерти тела, воскресает в мире ином и продолжает свое путешествие в мире небесном [10].

Тема смерти не была никогда устрашающим фактом в понимании осетин. Вероятно, тому способствовали представления о загробном мире, распространенные в фольклоре и сохранившиеся в виде обрядов. С другой стороны, осетины умело использовали силу слова и намерения, задабривая обитателей потустороннего мира, а также заручались поддержкой существ, которые могли помочь им там; ср.:

*Урс уæрыкк дын æрбауон,
Уæ мæ чысыл царды ныв.
Хъæлдзæгæй мын схъомыл у,
Кæд мæ æрондæй фæдарис [6, 514].
Белым ягненком стану для тебя,
О, моя маленькая картинка жизни.
Вырастай ты мне в радость,
Может, в старости опорой станешь.*

Белый ягненок, наряду с кошкой, часто встречается в колыбельных. И белый ягненок, и хромой котик представлены в виде охранительных существ, но в то же время оба персонажа наделены определённой функцией – ознакомления ребенка с миром, который его окружает.

*О, Реуа, къуылых Реуа,
Кæдæм цæуыс, къуылых, къуылых?
– Цæуын, мæ хур, базармæ.
Æрхæсдзынæн гагатæ [6, 519].*

*О, Реуа, хромой Реуа,
Куда идешь, прихрамывая, хромая?
– Иду, моё солнышко, на базар.
Принесу тебе сладости.*

По В.П. Аникину, слову над колыбелью издревле придавали значение заклинания [11, 561]. Между тем существует такой жанр, как “смертные” колыбельные. Такие тексты с упоминанием близкой кончины ребенка, по мнению исследователей, создавались не для того, чтобы избавиться от младенца, а с целью оградить его от злых сил. Это был некий обманный алгоритм матери с помощью имитации смерти.

В Северной Осетии колыбельная такого жанра зафиксирована в Дигорском ущелье.

*Боллай, боллай.
Дæ цирти бæстæн дин Хуцау.
Бузуни хуми бунат раттæд [20].
Боллай, боллай.
Для могилы тебе Господь
Пусть место погребальное
На пашне Бузуни выделит.*

Здесь *Бузуни хумæ* – топоним, обозначающий кладбище, в Дигорском ущелье.

В осетинских колыбельных встречается и образ вороны ‘халон’, чаще всего ассоциирующейся со смертью и потусторонним миром. Ср.:

Уæлæ халон хъуахъ кæнуй,
Тæггæнай серæ туппур кæнуй,
Касин серæ дингур кæнуй [6, 517].

Вон ворона каркает,
Лапша из корыта раздувается,
От пшенной каши живот вздувается.

В Нартовских сказаниях ворона выступает вестником по воле Барастыра – владыки загробного мира, являясь символом, связывающим мир живых и мир мертвых. В частности отговаривает Сослана покинуть загробный мир, предупреждая его о том, что из-за убийства его вестовой вороны тот после смерти попадет уже не к нему, а в ад [12, 218]. В тех же сказаниях Сослан, употребив мясо вороны, приобретает способность путешествовать в загробном мире.

Вызывает интерес этимология словосочетания *авдæны зарæг* “колыбельная песня”. По В.И. Абаеву, производное от слова *авдæн* “колыбель”, которая переводится букв. “для семерых”. Осетинская семья считалась полной и счастливой, если в ней было семеро детей. У осетин число ‘семь’ имеет эзотерический характер и упоминается во множестве пожеланий, ФЕ и др.: *авд дæлдзæхы ны-хаууын* ‘попасть в седьмую преисподнюю’; *авд дæлдзæхы цы ис, уый дæр зонын* ‘знать всё обо всем’; *авд хохы æдде* ‘за тридцать земель’; *уу фысæн авд фыййаууы* ‘семь пастухов на одного барана’ и др. Или: *авдудон* ‘семидушный’ (имеющий семь душ), *авд дæлдзæхы* ‘семь подземелий’ (семикратно глубокое подземелье), *авд уæлдзæхы* ‘семь надземелий’ – выше солнца в наднебесье. Герой повествований преодолевает *авд хохы* ‘семь горных вершин’. В народе говорят, что изобилие тоже *авд-авды* ‘семикратно’.

С колыбелью в осетинском языке закрепилось выражение: *Авдæн кæм и, уым чырынгæн дæр æнæ уæвæн нæй*. – “Там, где есть колыбель, там не может не быть гроба”. Здесь опять-таки прослеживается тесная связь двух миров, и колыбельная играет уже роль безопасного медиатора.

Колыбель также выступает как священное лоно, которое заботливо заменяет материнское и занимает в осетинском доме

почетное место. При этом с колыбелью связаны такие запреты, как *качать ее пустой, ставить далеко от очага*. Поверья были связаны с желанием защититься от нечистой силы. В Осетии нередко колыбельки *авдæн*, которые три-четыре поколения поставили на ноги. Бережно хранили их, в которых когда-то в младенчестве лежал дед, затем укладывали его сыновей, а со временем и внуков. Эти *авдæнтæ* считались счастливыми.

Как и в русских колыбельных, в осетинских используются мелодичные, переливающиеся слова по примеру «баю-бай», «люли, люлюшки». Наиболее часто встречается в колыбельных «алололай». Ср.:

Ло-ло-ло-ло, а-ло-лай!
Ахуысс, айрæз, мæ хъæбул.
Ахуысс, уалдзæг æрцæудзæн... [6, 514].
Ло-ло-ло-ло, а-ло-лай!
Спи, подрастай, моё дитя.
Поспи, весна придёт...

Проф. Б. А. Алборов связывает происхождение слова с осетинским божеством Аларды, трактуя его как “форму имени бога Al’a, осложненного суффиксом старинного звательного падежа в осетинском языке, согласно тому, как, например, *лæгай* (о, муж), *усай* (о, жена)” [14, 106]. По мнению ученого, удивительно созвучным ‘алололай’ является припев осетинской свадебной песни ‘алай’. Его поют, когда невесту подводят к надочажной цепи для приобщения к божеству домашнего очага в доме жениха. ‘Алай’ связывают и с нартскими героями, например, в песнях поется ‘алай, алай, ой, нартский алай’. У невесты, в одном из вариантов песни, с правой стороны – ‘точенные зеркала’, а с левой – ‘точенные колыбели’ [15, 247].

С *авдæн* связано и капище божества Аларды: напротив святилища находится камень *Алардыы авдæн*, напоминающий люльку, – “колыбель Аларды”. Камни в древности считались символами внеземных сил, вместилищем огня и душ умерших [16, 64], а имя Аларды было одним из немногих, которые могла произнести осетинка. Это обусловлено особенностью и отличием женской ритуальной молитвы: “...перечисленные в ней святые

именуются не настоящими именами, а произвольными, которые дали им осетинки, коим обычай, требующий от них скромности, запретил называть святых теми именами, под какими известны в народе, за исключением Аларды, Бынаты-хицауы и Хуыцауы-дзуар” [17, 182].

Священное расположение сакрального камня «Колыбели Аларды», ритуал имитации покачивания на ней ребенка для избавления от болезней, а также тот факт, что обряд проводился женщиной с произнесением молитв, напрямую напоминает бытовой процесс укачивания младенца в колыбели. Женщина обращалась к самому суровому осетинскому божеству, золотому красному Аларды, покровителю детских болезней – кори и скарлатины, в давние времена уносивших жизни многих детей. Ребенка, умершего от кори, не оплакивали даже, боясь гнева Аларды. На наш взгляд, слово «алолой» использовалось в колыбельных песнях для умиловления божества Аларды, а также для усиления защитных функций по отношению к ребенку.

Наряду с народной в обрядовой поэзии осетин существует и авторская колыбельная песня. Несмотря на то, что её относят к материнскому фольклору, все же не упускали возможности соприкоснуться с этим чудным искусством и поэты-мужчины. Одной из самых известных и любимых является колыбельная песня «Алолай» народного поэта Осетии Коста Хетагурова.

С помощью олицетворения автор в начале стихотворения вводит читателя в мягкую и волшебную атмосферу процесса укачивания матерью колыбели. Лунный луч, подобно руке матери, стал действующим лицом магического действия.

Мать легко тебя качает...

Лунный луч с тобой играет.

Вводя образ неодушевленного предмета, мать с его помощью рассказывает ребенку о мире, в который он явился.

После этого следует материнское пожелание в необычном для жанра языковом обороте. С помощью глаголов повелительного наклонения ребенка будто побуждают к действиям – расти непременно, становиться при этом мужественным.

Ты расти, мужай...

Обращение в уменьшительно-ласкательной форме 'сыночек' и 'милый мой' гармонично сочетаются с масштабом надежд, которые возлагает мать на маленького человека во втором четверостишье.

*Подрастешь, сыночек, скоро,
Станешь ты моей опорой.
Я живу тобой,
Милый мой!*

В осетинском варианте текста употребляется образ белого ягненка. Как и в фольклорных колыбельных, вероятно, он призван стать одним из тех помощников, которые будут оберегать младенца во сне.

С помощью сравнения мать в колыбельной раскрывает ребенку сторону жизни с испытаниями, которые выпадают на долю крестьян. Это по тексту подтверждается отсылкой к отцу ребенка, который живет непосильным тяжким трудом, описанным в колыбельной как 'черный труд'. При этом, мать отмечает неизбежность прохождения этих испытаний сыном, тем самым не разочаровывая и не пугая ребенка. Наоборот, языковые обороты удачно передали желание матери дать сыну выносливости и долголетия.

*Наша жизнь страшной могилы.
Только черный труд постылый
Знает твой отец...
Спи, птенец!
А когда ты возмужаешь,
Тоже тяжкий труд узнаешь...
Крепким вырастай!
А-лал-лай!..*

Особенностью оформления авторской колыбельной являются рифмованные слова. Они не только усиливают свойства песен по убаюкиванию ребенка, но и вырабатывают ощущение гармонии и красоты родного языка, которое по-осетински звучит как 'материнский язык'.

Итак, обрядовая поэзия, куда относятся и колыбельные песни,

является наследием древнего пласта устного народного творчества осетин. Собираанием колыбельных песен осетины не занимались последовательно, поэтому в архивах республики их очень мало. Тем не менее, цель и задачи, поставленные в исследовании, были достигнуты.

Нам удалось доказать, что смена жизненных ориентиров повернула осетин к повышению национального самосознания; широко развернула развитие современных студий звукозаписи, чему также способствует рост информационных технологий, и это, заметим, сказывается на использовании фольклора в музыкальном воспитании детей.

Мы выявили

- * структуру, содержание и функциональную направленность колыбельных песен;

- * показали, что колыбельные песни сохранили подлинность родного языка и родной речи;

- * определили, что культурная гармония языка, обрядов, фольклора и музыки есть форма бытования колыбельных песен женщин как жанра;

- * выявили, что колыбельные песни приучают не бояться мира потустороннего, убеждают в том, что там есть помощники, обереги, которые защитят человека, если обратиться к ним и заручиться поддержкой;

- * рассмотрели повседневность колыбельной песни, выявив её фольклорные истоки, а также как народную часть семейной обрядовой поэзии осетин.

Нам удалось показать особенности авторской колыбельной песни "Алолай" К.Л. Хетагурова, сохранившей наиболее точное, емкое и точное из словесного материала осетинского языка и разговорной речи. Эта колыбельная высвечивает идеалы осетин, способствуя пониманию их мировосприятия и мировоззрения.

Младенцу пели колыбельные с первых дней жизни, покачивая его в колыбели, и сам процесс, который воспринимается лишь в бытовом назначении и игнорируется многими родителями, служит эффективной адаптации ребенка к гравитационной среде земли. Мы поддерживаем тех, которые считают, что колыбельные

являются еще и инструментом усиления процесса безопасного взросления малыша, который является лиминальным человеком, оказываясь на стыке двух миров.

Примечательно, что колыбельные песни, помимо матери, в осетинской семье пели и девочки. Участвуя в укачивании младенца с колыбельной, они готовились к воспитанию своих будущих детей, перенимая и передавая традицию.

Нельзя лишать детей колыбельных песен, и овладеть этим искусством возможно с помощью современных технологий. В настоящее время многие профессиональные музыканты записывают как фольклорные, так и авторские колыбельные. Однако важно понимать, что младенцу нужно, как и материнское молоко, исполнение колыбельных песен именно материнским голосом, который является единственно родным и близким, способным передать вместе с защищенностью всю любовь и духовные ценности народа.

1. Базарный В. Ф. Дитя человеческое. Психофизиология развития и регресса. М.: Концептуал, 2019. 400 с.

2. Головин В. В. Русская колыбельная песня: фольклорная и литературная традиция. Дисс... докт. фил. наук /ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. СПб., 2000. 317 с.

3. Толстой Н. И. Славянские народные толкования снов и их мифологическая основа // Сон – семиотическое окно. XXVI-е Випперовские чтения (Москва, 1993 г.). М., 1994.

4. Тменова Дз. Г. Детский фольклор осетин. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009, 188 с.

5. Колыбельные песни осетин. Эксперто. Зерна знаний. https://iryston.tv/teleproject_release/kolybelnye-pesni/

6. Ирон адæмон сфæлдыстад. Дыууæ томы. Дыккаг том/Чиныг сарæзта Салæгаты З. Дзæуджыхъæу: Ир, 2007. 655 ф.

7. Газданова В.С. Традиционная культура осетин [Текст]: учеб. Для 8-9 кл. общеобразовательных учреждений/ В. С. Газданова. 2-е изд. Владикавказ: СЕМ, 2013. 192 с.: ил.

8. <http://vncran.ru/upload/nartamongae/2014/297-310.pdf> К.К. Кочиев «Сырдонова арфа»
9. Цагараев В.А. Искусство и время. Очерки по истории визуальной культуры алан-осетин. Владикавказ: Издательство «Ир», 2003. 469 с.
10. Прокопович Л.В. «Священный скарабей» в ювелирных украшениях Древнего Египта: Проблемы интерпретации символа. <https://www.academia.edu/22422960>
11. Аникин В.П. Русское устное народное творчество: Учебник для вузов. М.: Высш. шк., 2004. 735 с.
12. Нарты. Мифология и эпос на дигорском языке (Нартæ. Мифологи æма эпос дигорон æвзагбæл) / Составители: Кибиров А.Я. и Скودтаев Э.Б./. Владикавказ, 2005. (на осет. яз.).
13. Цгоев Х.Ф. Словарь осетинской мифологии и уклада жизни. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 599 с.
14. Алборов Б. А. Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды» Владикавказ, 1928 84 с.
15. Памятники народного творчества осетин (ПНТО) / Сост. Т.А. Хамицаева. Владикавказ: Ир, 1992. 440 с.
16. Дарчиева М.В. Вербальный код осетинского обрядового текста (на материале некоторых традиционных обрядов). Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2013. 319 с.
17. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост.Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1987. Кн. 3.
18. Конь // Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь славянской мифологии. Н. Новгород: Русский Купец; Братья Славяне, 1996. Режим доступа: <https://pagan.ru/slowar/kon-2/> (дата обращения: 12.12.2019).
19. Таказов Ф.М. Зооморфные маркеры мировой оси в осетинской мифологии // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Сборник научных трудов. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012.С.137 -145.
20. НА СОИГСИ. ф. 15, оп. 1, п. 8, л. 168. Исп. Гецаев Бадели, 1927, Махческ. Зап. Толасов А.

IV. ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

**А.А. Багаева,
старший преподаватель кафедры
публичного права и органов власти
СКГМИ (ГТУ)
(г. Владикавказ)**

ГРУЗИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 80-Х–НАЧАЛЕ 90-Х гг. XX в.: СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

В статье рассматриваются процессы зарождения национального движения в Грузии и его развития в 1987-1990-х гг., а также построения нового независимого государства. Выявляются основные факторы, обуславливающие кризис социалистической системы и приведшие к распаду Советского Союза, а также их последствия, послужившие толчком к подъему грузинского национального движения. В статье подробно рассматриваются основные задачи, заложенные в предвыборную программу политического блока «Круглый стол - свободная Грузия», победившего на первых многопартийных выборах в Верховный Совет Грузии. Анализируется разобщенность и противостояние в грузинском национальном движении в процессе его формирования; исследуются причины конфронтационного противостояния между национальным правительством и силами радикальной оппозиции, вылившегося в государственный переворот и насильственную смену власти.

Ключевые слова: Грузия, национальное движение, независимость, многопартийные выборы, конфронтационное противостояние, вооруженное восстание.

The article examines the processes of the birth of the national movement in Georgia and its development in the 1987-1990s, as well as the construction of the new independent state. The main factors causing the crisis of the socialist system and leading to the collapse of the Soviet Union, as well as their consequences, which served as an impetus for the rise of the Georgian national movement, are identified. The article examines in detail the main

tasks included in the electoral program of the political bloc «Round Table - Free Georgia», which won the first multi-party free elections to the Supreme Council of Georgia. The disunity and confrontation in the Georgian national movement in the process of its formation is analyzed, as well as the reasons for the confrontational collision between the national government and the forces of the radical opposition, which resulted in a coup d'état and a violent change of power.

Keywords: *Georgia, national movement, independence, multi-party elections, confrontational collision, armed uprising.*

Во второй половине 80-х годов прошлого века в СССР проявился кризис социалистической системы и стала очевидной необходимость ее изменения. Советский Союз и находящиеся под его влиянием страны социалистического лагеря теряли позиции в военно-экономической сфере в сравнении с западными государствами. В стране начались радикальные реформы. Предложенный Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым новый курс предполагал модернизацию советской системы, внесение структурных и организационных изменений в хозяйственные, социальные, политические и идеологические механизмы.

Провозглашенная в 1985 г. в СССР политика гласности и перестройки привела к началу демократических процессов в Грузии, подъему национального движения, образованию новых партий, что было необычным и настоящим революционным событием для однопартийного государства. Если до 1988 года эти действия носили стихийный характер, то впоследствии они стали более организованными и целенаправленными.

Политические партии и организации, созданные в 1987-1991 годах, имели своих предшественников в Грузии и мире в начале XX века, некоторые из них даже претендовали на роль правопреемников одноименных партий и общественных организаций. Почти все они основывались на существующих в мире идеологиях и представлениях, но, опираясь на грузинскую действительность, в той или иной степени обрели новое содержание. Примечательно то, что некоторые из образованных партий так и не смогли избавиться от влияния социализма и коммунизма. На

этом базировалось противостояние, имевшее место в грузинском национальном движении в начале 1990-х гг.

Одной из первых политических организаций в Грузии советского периода было «Общество Ильи Чавчавадзе», основанное в 1987 году. Общество ставило целью борьбу за освобождение Грузии, за демократию и создание капиталистической экономики. Многие деятели «Общества Ильи Чавчавадзе» в дальнейшем стали лидерами политических партий.

В 1987-1989 годах в Грузии установилась многопартийная система. На арену политической жизни вышли: Партия национальной независимости, Хельсинкский Союз, Народный фронт, Общество Святого Ильи Праведника, Общество Шота Руставели и другие. Неформальные группы и политические партии не были официально зарегистрированы, но на практике они активно действовали и оказали серьезное влияние на общественно-политическую жизнь страны. Созданные ранее Республиканская партия, Национально-демократическая партия и другие получили право осуществлять свою деятельность на законных основаниях. Во главе национального движения стояли Звиад Гамсахурдия, Мераб Костава, Ираклий Шенгелая, Тамар Чхеидзе, Георгий Чантурия, Ираклий Церетели и др. Главную силу национального движения представляло студенчество Тбилисского государственного университета. Еще в 1937 году был основан студенческий Пресс-клуб, который провел свой первый митинг в Дидубском пантеоне писателей и общественных деятелей в 1937 году, чтобы увековечить память о несправедливо расстрелянных заключенных. В феврале 1988 года этот студенческий союз выступил с требованием о перенесении артиллерийского полигона из окрестностей древнего монастырского комплекса Давид Гареджи. Члены Грузинского национального движения привлекли внимание общественности, выступив против строительства новой Закавказской железной дороги, Худонской ГЭС. Сотрудниками правоохранительных органов были задержаны лидеры митинга, в том числе Звиад Гамсахурдия и Мераб Костава.

Массовые демонстрации в Грузии начались в ноябре-декабре 1988 г. Они были направлены против решения Генерально-

го секретаря СССР, главы Советского государства, по инициативе которого в Советскую конституцию должны были быть внесены соответствующие изменения, отменяющие право союзных республик на выход из Союза. В связи с этим 23 ноября 1988 года на проспекте Руставели в Тбилиси начались акции протеста. В них приняли участие многие партии и общественные организации, а также широкие слои населения.

18 марта 1989 года в селе Лихни в Абхазии прошел многотысячный митинг абхазов. Протестующие направили петицию в Москву на XIX съезд ЦК КПСС с требованием придать Абхазии статус союзной республики и войти в состав союзного государства [1, 30]. 3 апреля в Сухуми прошел митинг протеста грузинского населения Абхазии. 4 апреля в Тбилиси начались массовые демонстрации. Лозунг протестующих изначально был требованием отмены автономии Абхазии, но позже перерос в требование восстановления независимости Грузии. Тысячи людей день и ночь стояли на проспекте Руставели. Тогда же усилились антигрузинские выступления и в Южной Осетии. Политическое руководство Советского Союза было встревожено подъемом национального движения в Грузии, которое носило ярко выраженный антисоветский характер. События в Тбилиси могли повлиять и на другие республики, где национальные движения также усиливались.

В Москве было принято решение остановить митинг в Тбилиси силой. 8 апреля демонстрация военной силы должна была оказать психологическое воздействие на протестующих, что, по мнению центра, должно было привести к сокращению количества протестующих. Результат был противоположным – на митинг вышел практически весь город [2, 11]. Разгон митинга начался 9 апреля 1989 года в 4 часа утра. В результате рейда погибли 19 человек, в том числе 16 женщин, двое несовершеннолетних. 25 мая 1989 года на Съезде народных депутатов Советского Союза парламент Грузии потребовал включить вопрос об ответственности за трагические события в Тбилиси в повестку дня съезда. Озвученные изобличительные факты способствовали распространению объективной информации об этой кровавой странице в истории Грузии. Применение силы против национального

движения в Тбилиси было первым трагическим инцидентом в Советском Союзе, последующие карательные операции были повторены в Азербайджане и Литве. События 9 апреля 1989 г. стали впоследствии одной из причин проведения первых многопартийных выборов в Грузии.

С апреля 1989 г. по апрель 1990 г. грузинское национальное движение объединилось против советских структур. Был сформирован Национальный комитет национального спасения, который разработал программу минимума и максимума: отказ от призыва в Советскую Армию; защита прав человека, реализация демократических принципов, придание государственного статуса грузинскому языку, либерализация государственных структур; программа максимум предусматривала постепенный выход Грузии из состава СССР и образование независимого государства.

Особая роль в объединении национального движения возлагалась на Национальный форум, задачей которого было обеспечить выработку единой стратегии и тактики, определить отношение к советским выборам. Руководящим органом Национального форума считался Конгресс, который должен был взять на себя управление правительством в переходный период. Национальный форум рассматривал национальное неповиновение как основную стратегию борьбы с существующим режимом, однако он не мог решить вопрос о независимости Грузии. После отмены выборов в Верховный Совет республики 25 марта 1990 г. Хельсинкский союз и его проправительственные силы вышли из Национального форума и в конце мая сформировали новый политический блок «Круглый стол – свободная Грузия». В нем объединились несколько независимых партий и политических организаций ради заветной цели национального движения – восстановления независимости Грузии. В Круглый стол входило четыре организации: 1. Хельсинкский союз; 2. Монархическая (консервативная) партия; 3. Общество св. Ильи Праведника; 4. Общество Мераба Коставы. Новая организация объявила об идейно-политическом отделении от Национального форума, поставив своей целью развитие национального движения. 11 мая 1990 г. был разработан проект Устава Круглого стола, в котором

подтверждалась основная цель – создание реалистичной концепции, предлагавшей два пути к независимости: 1. Путь национального неповиновения; 2. Выборы Временного Верховного Правительства. Организация хотела представить эту концепцию на II заседании Совета по европейской безопасности и сотрудничеству в Хельсинки. Политическая концепция Круглого стола была принята 12 мая 1990 г.

Выбор парламентской тактики национальной борьбы и следование балтийскому пути имели большое значение в политической жизни грузинского народа. Он привнес синдром политического реализма, вывел страну из создавшегося на этом этапе политического тупика, выбор балтийского пути объединил политические силы в национальном движении Грузии.

28 октября 1990 года в Грузии состоялись первые многопартийные выборы в Верховный Совет Грузии, на которых с большим преимуществом победил блок «Круглый стол – свободная Грузия» (62% голоса избирателей) [3, 67]. К власти пришла отстаивающая национальные позиции антикоммунистическая коалиция, возглавляемая Звиадом Гамсахурдия. Большинство мест в Верховном Совете завоевали национальные силы [4, 12].

Предвыборная программа блока «Круглый стол - Свободная Грузия», отражала основные приоритеты национального движения Грузии на протяжении всей его борьбы. Главной целью победившего блока было «восстановление и сохранение государственной независимости Грузии» путем мирной политической борьбы. Для этого необходимо было объединить грузинский народ путем общественного диалога, конструктивного сотрудничества со всеми силами. Правовые, политические и экономические основы независимой государственности должны были быть созданы в течение «переходного периода», для чего Верховный Совет должен был принять следующие законодательные акты: 1. Декларацию об изменении названия, символики государства и объявлении переходного период; 2. Постановление о разработке основного закона переходного периода на основе временно приостановленной Конституции 1921 г.; 3. Постановление об аннулировании всех союзных договоров, заключенных властями

Грузии после 16 февраля 1921 года. Переходный период должен был считаться завершенным после признания Грузии субъектом международного права международными политическими организациями и проведения демократических выборов в парламент.

Предвыборная платформа «Круглого стола» содержала и программу экономического развития, основной задачей которой было «освобождение от чуждой Грузии экономической системы». В своей программе по возрождению экономики политический блок опирался на принцип неприкосновенности частной собственности, свободы экономической и коммерческой деятельности. При этом допускалось существование государственной собственности. В целях установления принципов рыночной экономики, создания системы свободного предпринимательства и частной собственности должны были быть приняты меры по осуществлению приватизации существующей государственной собственности для выхода из изолированной экономической системы и интеграции в международную экономическую систему.

28 октября 1990 г. в Грузии прошли выборы не только в Верховный Совет, но и в Национальный конгресс. Это еще не означало двоевластия, но свидетельствовало о том, что в стране возникли два крупных очага противостояния. Наряду с борьбой за независимость в грузинской национально-политической реальности возникло параллельное движение – борьба за власть. Оно было не менее суровым, чем национальное движение, и впоследствии в значительной степени затмило даже последнее.

31 марта 1991 года был проведен референдум о восстановлении независимости Грузии, который имел большое значение для строительства демократического независимого государства. На основе референдума 9 апреля Верховный Совет Республики Грузия объявил о восстановлении государственной независимости Грузии и принял «Акт о восстановлении государственной независимости Грузии». Несмотря на то, что этот акт был повторением акта от 26 мая 1918 г., он был совершенно другим по содержанию. Если в Акте 1918 года прекращение грузинской государственности объяснялось добровольным присоединением Грузии к России в начале XIX века, то документ 1991 года начинался

с утверждения, что «грузинская государственность, уходящая корнями в глубь веков, утрачена грузинским народом в XIX веке как результат российской аннексии и упразднения грузинской государственности». «Акт о восстановлении государственной независимости Грузии» соответствовал нормам международного права, Уставу Организации Объединенных Наций, заключительным актам Хельсинкской и Венской конференций и как документ, принятый на основе всеобщего референдума, полностью выражал волю грузинского народа. Несмотря на то, что новое правительство осознало, что первым условием для достижения независимости было национальное единство, конструктивное сотрудничество и сосуществование с политическими партиями, включая оппозиционные партии, на наш взгляд, именно в стремлении к независимости проявился радикализм национального правительства.

В стране были приняты законы и предпринимались меры по закладке и укреплению основ становления национального государства. Правда, в некоторых случаях законы принимались в ускоренном порядке и с существенными недостатками, но главное заключалось в том, что принятие этих законов преследовало основную цель – отстаивание национальных интересов. Новому Верховному Совету предстояло решить проблему национализации и защиты территории страны, ее природных богатств, что требовало принятия следующих законодательных актов: Об объявлении земли, воздушного пространства, водных ресурсов и полезных ископаемых Грузии национальным достоянием; О сухопутных, морских и воздушных границах; О таможенной службе; О транзитных грузоперевозках; О национальных воинских формированиях; О предоставлении статуса иностранных вооруженных сил частям Советской Армии в Грузии и др. Также в переходный период, на основе Всеобщей декларации прав человека, должны были быть приняты эффективные меры по защите религиозной и гражданской терпимости и прав граждан посредством принятия следующих законодательных актов: О гражданстве; О правовых и политических гарантиях граждан; О политико-правовых гарантиях национальных меньшинств; Об иммиграции; О свободе сове-

сти, религиозных организациях; О политических партиях; О СМИ и др. Верховный Совет должен был объявить широкую амнистию лицам, совершившим преступления в результате негуманных законов и нечеловеческих условий жизни в советский период, рассмотреть вопрос об отмене смертной казни, провозгласить всеобщее национальное примирение и терпимость.

На первой сессии нового Верховного Совета в ноябре 1990 г. была принята Декларация переходного периода. С принятием этого документа национальное правительство приступило к реализации целей, поставленных в предвыборной платформе блока «Круглый стол – свободная Грузия». Казалось, новое правительство осознало, что первым условием для достижения независимости было национальное единство, конструктивное сотрудничество и сосуществование с политическими партиями, включая оппозиционные партии. Поэтому Верховный Совет призвал все радикально настроенные оппозиционные силы к национальному примирению. Однако Национальный конгресс занял иную позицию – он фактически объявил новое национальное правительство нелегитимным.

Между тем внутривнутриполитическая ситуация в республике обострилась из-за противостояния вооруженного формирования «Мхедриони» под руководством Т. Китовани официальным властям. Правительство стремилось привести функционирование вооруженных формирований в конституционную норму. Оно призвало вооруженные силы объединиться в Национальную гвардию, а те, кто не хотел этого, должны были сдать оружие. Однако «Мхедриони» не подчинялся правительству, не признавал его легитимность и выступал против него.

Радикальная оппозиция, возглавляемая И. Церетели, Г. Чантурия, Т. Сигуа, Н. Натадзе, Г. Хоштария, противостояла правительству, подвергая критике его практические меры; радикалы угрожали митингами, пытались помешать нормальному функционированию правительства и добивалась радикальных решений, чтобы усугубить общий кризис в стране. В этих условиях власти не предприняли никаких решительных действий для обеспечения верховенства закона и предотвращения некон-

ституционных действий со стороны некоторых партий и оппозиционных групп.

Авторитарные методы правления З. Гамсахурдия и отсутствие способности к компромиссу, особенно в сфере межэтнических конфликтов, являются основными недостатками управленческого стиля Гамсахурдия. Неверным шагом стало также игнорирование важности экономических вопросов. Гамсахурдия предпочел уклониться от таких сложных решений, как либерализация цен и массовая приватизация. Эта стратегия невмешательства лишь ненадолго отсрочила коллапс грузинской экономики [5, 538].

Эскалация политического конфликта неизбежно вылилась в нарастание акций протеста по всей стране. Политические партии одна за другой заявляли о том, что находятся в оппозиции к действующему президенту. В январе 1992 г. в результате продолжающегося несколько месяцев вооруженного восстания в Грузии произошла насильственная смена власти – был свергнут режим З. Гамсахурдия. Произошедший переворот в республике нельзя было квалифицировать, как народную или демократическую революцию, только потому, что у нее не было массовых сторонников. Основные причины, приведшие к военному государственному перевороту 1991-1992 гг., заключались в следующем: сохранялось состояние постоянного противостояния властей и радикальной оппозиции; противостояние элитной интеллигенции власти и поддержка ею антиконституционных восстаний; 3) приход ранее к власти радикально-максималистских политических сил и проводимый ими аналогичный политический курс; объективные и субъективные ошибки председателя Верховного Совета независимой Грузии, а затем и президента, авторитарный стиль управления государством; националистическое мировоззрение З. Гамсахурдия, являющееся формой этнического национализма и противоречившее западному гражданскому, либерально-демократическому национализму; преступные ошибки представителей органов государственной власти, исполнительной и законодательной власти.

На основании изложенного в статье можно сделать некоторые выводы.

Национально-государственному становлению Республики Грузия способствовали перестройка и процессы демократизации, происходившие в условиях кризиса советской системы.

Национальное движение Грузии 1980-1990-х годов возглавлялось радикальными фигурами и политическими силами и придавало особый характер всему движению. В 1990 г. в Грузии прошли выборы в Национальный конгресс и Верховный Совет, что изначально привело к развитию событий по логике двоевластия: одни и те же силы оказались во главе и правительства, и оппозиционного движения. Это обстоятельство привело к конфронтационному развитию политических событий.

Конец советского правления в Грузии сопровождался возникновением одного политического блока во главе правительства, который затем сыграл негативную роль и стал одним из источников политического противостояния. Это было бы совершенно естественно для любого развитого и традиционного государства не только на Западе, но и в других частях света, однако Грузия была страной без демократической политической культуры. Политический баланс, существовавший здесь десятилетиями, внезапно был нарушен. По крайней мере, 2-3 политических лагеря оказались вне власти и не имели возможность участвовать в ней. Бывшая советская элита, многочисленные группы новых национально-радикальных политических партий и организаций, умеренный национально-политический конгломерат – эти, и другие группы стремились участвовать в политической жизни своей страны, но для этого им пришлось ждать не менее 4 лет следующих выборов.

Это привело в противостояние национальное правительство с радикальной оппозицией, к деструктивным действиям, перманентным протестным движениям, не позволявшим властям запустить позитивные процессы реализации целей, поставленных в предвыборной платформе блока «Круглый стол – Свободная Грузия», и, как итог, к свержению режима З. Гамсахурдия в результате вооруженного восстания.

1. ყორანაშვილი გ. „9 აპრილი: მითი და სინამდვილე“, თბილისი. გამომც., „ახალი საქართველო“. 2001.
2. სონლულაშვილი ა. „9 აპრილის ტრაგედიის პოლიტიკური შეფასებისთვის“, კრებულში: „ახალი და უახლესი ისტორიის საკითხები“. თბილისი, 2009. №2(6).
3. Гахокидзе Э. Грузия: политические партии до и после «революции роз» // Центральная Азия и Кавказ. №2(38), 2005.
4. Багаева А.А. Грузинское национальное движение и проблема межэтнических конфликтов в Грузии в постсоветский период // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2020. № 3.
5. Мишина Е.А. Хроники грузинских реформ // LEX RUSSICA (Русский закон). Т. 96. №5. 2014.

**З.Т. Золоева,
старший преподаватель СКГМИ (ГТУ)
(г. Владикавказ)**

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СУБЪЕКТАХ РФ
(НА ПРИМЕРЕ РСО-АЛАНИЯ)**

В статье анализируются проблемы реализации государственной политики в сфере развития процесса цифровизации на уровне субъектов РФ (на примере РСО-Алания). Развитие информационно-коммуникационных технологий, лежащее в основе цифровизации, оказывает значительное влияние на экономический рост страны, который можно сравнить с промышленной революцией.

Автор отмечает, что государственная политика, реализуемая в настоящее время в Российской Федерации в исследуемой сфере сталкивается с рядом сложностей (в том числе и правового характера), связанными с регулированием цифровизации на региональном уровне. В заключении автор приходит к выводу о том, что в свете конституционных поправок, принятых в 2020 году, детального научного осмысления требуют вопросы полномочий субъектов РФ в сфере развития информационно-коммуникационных технологий и цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, государственная политика в сфере развития цифровизации, цифровая трансформация, информационные технологии, государственная политика.

The article analyzes the problems of implementing state policy in the field of developing the digitalization process at the level of subjects of the Russian Federation (on the example of North Ossetia-Alania). The development of information and communication technologies, which underlies digitalization, has a significant impact on the country's economic growth, which can be compared to the industrial revolution.

The author notes that the state policy currently being implemented in the Russian Federation in the area under study faces a number of difficulties (including legal ones) associated with the regulation of digitalization at the regional level. The author comes to the conclusion that in the light of the constitutional amendments adopted in 2020, the issues of the powers of the constituent entities of the Russian Federation in the field of development of information and communication technologies and digitalization require detailed scientific understanding.

Key words: digitalization, state policy in the field of digitalization development, digital transformation, information technologies, state policy.

Цифровая революция, происходящая в настоящее время, быстро набирает силу, в связи с чем возникает как множество проблем (экономического, политического характера, в сфере защиты прав человека и т.д.), но также и много преимуществ и возможностей. Так, цифровые технологии могут иметь негативные последствия для сферы занятости. Однако цифровизация в глобализирующемся мире приносит и много пользы. Технологии, интеллектуальные приложения и другие инновации, характерные для цифровой экономики, способствуют совершенствованию электронных услуг и могут помочь в решении политических проблемы в широком спектре областей, включая здравоохранение, сельское хозяйство, государственное управление, налоги, транспорт, образование и др.

Важно отметить, что если на начальных этапах цифровизации речь шла в основном о повторяющихся бизнес-процессах (например, автоматизация бухгалтерского учета, закупок) с использованием ИКТ, то современный этап характеризуется цифровой трансформацией всех сфер общественной жизни.

Новые технические разработки, такие как облачные технологии, большие данные и Интернет вещей, позволяющие создавать новые продукты, услуги, бизнес-модели, используются в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Успешное развитие цифровизации в РФ и ее субъектах во многом зависит от эффективности реализуемой в стране политики.

Целью данной статьи выступает исследование проблем реализации государственной политики в сфере развития цифровизации в субъектах РФ.

По оценке А.В. Минбалева, «в условиях развития цифровых технологий современная правовая система не способна быстро реагировать на изменение цифровых технологий, поскольку они совершенствуются значительно быстрее» [1, 32]. Таким образом, можно констатировать существование фундаментальной проблемы, связанной с правовым осмыслением тех трансформаций, которые происходят в условиях развития цифровизации.

Общие направления политики государства в сфере развития в нашей стране сформулированы в ряде политико-правовых до-

кументов, таких, как: Стратегия научно-технологического развития России; Стратегия экономической безопасности РФ до 2030 года, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг., а также в программах «Информационное общество» и «Цифровая экономика Российской Федерации»(2017) [2, 21].

Современные тенденции государственной политики в сфере развития цифровизации в субъектах РФ характеризуется следующими аспектами:

1) По указанию Президента РФ до 1 сентября 2021 года во всех субъектах РФ должны быть приняты региональные стратегии цифровой трансформации ключевых отраслей экономики и социальной сферы. В этой связи, 31 августа 2021 года временно исполняющим обязанности Главы РСО-Алания утверждена Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления в Республике Северная Осетия–Алания на период до 2024 года.

Постановлением Правительства РФ от 3.04.2021 г. № 542 утверждена методика расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ, определяющая целевые значения показателя «Цифровая зрелость», подразумевающая использование органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления и организациями в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства и строительства, общественного транспорта, отечественных информационно-технологических решений. 12 августа 2021 года Минцифры РФ предоставило рейтинг цифровой зрелости регионов. Вошедшие в него субъекты были разделены на три группы: с высоким (со значениями свыше 50%); со средним (от 25% до 50%); низким значением цифровой зрелости (меньше 25%). РСО-Алания в соответствии с данным рейтингом вошла в состав третьей группы.

2) Во всех субъектах РФ назначены руководители, ответственные за цифровую трансформацию.

Важно отметить, что правовое обеспечение развития цифро-

визации в субъектах РФ в настоящее время находится в стадии формирования. Видится, что определенный импульс для развития регионального законодательства дают принятые стратегии цифровой трансформации. Однако, по нашему мнению, только этих мер недостаточно. Существует необходимость в принятии концепций цифровой трансформации. Не вызывает сомнений тот факт, что региональные программы в сфере цифровизации имеют для регионов важное значение.

Некоторые регионы приняли законодательные акты в исследуемой сфере (например, Закон РСО-Алания «О государственной поддержке субъектов цифровой экономики» – с 3.02.2020 г., Закон Краснодарского края «О государственной поддержке в сфере информационных технологий и внесении изменения в статью 6 Закона Краснодарского края «О стимулировании инвестиционной деятельности в Краснодарском крае»» – с 1.01.2021).

Процесс развития государственной политики в сфере развития цифровизации как на федеральном, так и на региональном уровне требует решения ряда проблем.

Так, во-первых, в настоящее время все еще сохраняется проблема недоверия граждан в отношении надежности цифровых технологий. Кроме того, у населения имеются опасения, связанные с возможностью вмешательства государства (в результате применения цифровых технологий) в деятельность граждан и организаций. В этой связи, по нашему мнению, требует своего развития законодательство, направленное на защиту прав граждан. Видится, что это будет способствовать повышению доверия к деятельности государства в целом.

Во-вторых, необходимо отметить возможность потери контроля за сведениями о гражданах, организациях, обрабатываемых в государственных информационных системах, что требует постоянного совершенствования организационно-правового механизма обеспечения информационной безопасности и корректировки политики в сфере правового обеспечения информационной безопасности, что, по справедливой оценке В.Н. Лопатина, «чревато потерей информационного суверенитета личности, общества, государства» [3, 41].

В-третьих, возникает вопрос о том, каким изменениям подвергаются права граждан на участие в политической жизни и выражение мнения в результате развития цифровизации.

В-четвертых, конституционные поправки 2020 года коснулись также и анализируемого процесса. В связи с чем дальнейшего научного осмысления требуют вопросы полномочий субъектов РФ в сфере развития ИКТ и цифровизации. Мы полностью разделяем точку зрения А.С. Лолаевой, касательно, что данные вопросы должны быть отнесены к совместному ведению [4, 112].

В-пятых, одной из проблем выступает совершенствование законодательства в сфере правового обеспечения процесса оказания государственных услуг.

В-шестых, следует отметить необходимость уточнения норм ФЗ №152-ФЗ «О защите персональных данных» в части раскрытия вопроса об объемах информации, без согласия субъекта и способов деперсонализации.

Кроме того, представляется важным отметить, недостаточную разработанность в научной литературе вопросов правового обеспечения развития цифровизации в субъектах РФ [5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правовое регулирование процесса цифровизации находится в стадии формирования. В свете конституционных поправок, принятых в 2020 году, детального научного осмысления требуют вопросы полномочий субъектов РФ в сфере развития ИКТ и цифровизации.

Видится, что процесс цифровизации в субъектах РФ получит новый импульс после запуска проекта «Цифровой регион», предложенного Советом по развитию цифровой экономики при Совете Федерации.

В качестве стратегической цели реализуемой региональной политики, должно выступать всестороннее развитие каждого субъекта РФ и сокращение существующих региональных различий с учетом эффективного использования их ресурсного потенциала и конкурентных преимуществ.

1. Минбалеев А.В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. №12. С. 31-36.
2. Золоева З.Т. Проблемы правового обеспечения развития цифровизации в субъектах Российской Федерации // Информационное право. №3. 2021. С. 20-22.
3. Лопатин В.Н. Проблемы информационного права в цифровой экономике // Право и государство. 2019. №1. С.40-56.
4. Лолаева А.С. Вопросы цифровизации в новой редакции Конституции Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права 1/2021. С. 110-113.
5. Zoloeva Z. T., Koybaev B. G. Digital technologies in governance of Russian regions: legal aspects // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Volume 107 - ISCKMC 2020. P. 1797-1803. URL:https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10064/13931/article_10064_13931_pdf_100.pdf (дата обращения: 10.12.2021 года).

Г.А. Милевская,
магистрант СОГУ им. К.Л. Хетагурова,
Э.Б. Сатцаев,
кфн, снс СОИГСИ им. В.И. Абаева

ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ИРАНЕ НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИН

Современные иранские грузины проживают в Иране со времен династии Сефевидов в XVII в. В Иран они переселялись как добровольно, так и насильственно. В период правления шаха Аббаса I из Кахетии в Иран было переселено около 200 тысяч грузин. Основными местами их расселения стали провинции Исфахан, Мазандаран и район Ферейдана. Несмотря на заметную роль грузин в истории Ирана и за его пределами, количество научных исследований по их истории и культуре ограничено. Данная тема не нашла отражения и в русскоязычной литературе. В статье рассмотрено современное положение грузин, исторически проживающих в Иране, кратко описаны факторы этногенеза группы.

Ключевые слова: иранские грузины, ферейданцы, ирано-грузинские отношения, национальные меньшинства Ирана.

Contemporary Iranian Georgians have lived in Iran since the Safavid dynasty in the XVII th century. They were moved to Iran either voluntarily and forcefully. During the reign of Shah Abbas I, about 200 thousand Georgians were resettled from Kakheti to Iran. The main places of their settlement were the provinces of Isfahan, Mazandaran, Fereydan. Despite the prominent role of the Georgians in the history of Iran as well as outside the country, the Iranian Georgians, the amount of scientific researches on the history and culture of Iranian Georgians is extremely limited. This issue was also not reflected in Russian-language studies. The article deals with the current situation of the Georgians who historically live in Iran, describes the factors of the ethno genesis of this group.

Key words: the Iranian Georgians, the Fereydani, Iranian-Georgian relations, national minorities of Iran

Грузинская община современного Ирана в основном представлена ферейданцами – этнической группой грузин, проживающих в западном Иране в местности Ферейдан. Ферейданские грузины и их потомки в других местностях Ирана говорят на

грузинском диалекте *Phereidnuli*, который едва ли будет понятен обычному жителю Грузии. Несмотря на это, этноним *Kartveli* у иранских грузин сохранился, но в то же время употребляются и иранские этнонимы *Gorj*, *Gorji*, *Gurji*. Среди ферейданских грузин применимо обращение на грузинском языке *chemi dzvali*, что в дословном переводе означает «мои кости», и может рассматриваться как выражение чувства национального единства [2, 594].

Информация об иранских грузинах долгое время ограничивалась историческими описаниями службы грузин в империи. Лишь в 2001 году Пьер Оберлинг (Pierre Oberling), опираясь на свою статью 1963 года, охарактеризовал их с точки зрения этничности. В этой же статье автор приходит к выводу о склонности грузин к ассимиляции в иранское общество, в отличие от армян [10].

В Иране тема грузинского меньшинства рассмотрена в четырех научных работах, три из которых посвящены грузинским поселениям в провинции Мазандаран. Однако представители грузинского общества местности Ферейдан предприняли впоследствии активные шаги в продвижении вопросов, связанных с грузинским этносом в Иране, чем привлекли к себе большее исследовательское внимание.

Методологическую основу исследования составляют научные труды зарубежных исследователей, среди них Пьер Оберлинг, Бабак Резвани, материалы с сайта грузинской общины в Ферейдане fereidani.ge на грузинском языке.

Этническая идентичность, особенно в таких полиэтнических странах, как Иран, представляет собой многослойную структуру.

В данном конкретном случае этническая идентичность ферейданских грузин (численного большинства грузин в Иране) состоит из трех, связанных между собой, слоев: картвелоба (грузинство), фрейднелоба (ферейданство) и иранелоба (иранство). ферейданские грузины и грузины Ирана в целом в силу различных обстоятельств утратили грузинскую культуру и тесно переплетенную с ней христианскую веру. Взамен они приобрели новую веру и новые культурные традиции, мало отличающиеся от традиций других народов Ирана. Тем не менее, национализм в

классическом его проявлении любви к исторической Родине широко распространен среди иранских грузин, особенно среди ферейданских грузин.

Ладо Агниашвили был первым грузинским путешественником, отправившимся в 1894 году в регион Ферейдан, чтобы познакомиться с бытом проживавшего там грузинского населения. Агниашвили сделал фотографии и издал книгу о своем путешествии в Ферейдан. Уже в 1896 году двое представителей иранских грузин по фамилии Хуцишвили и Оникашвили посетили Грузию. Об этом широко писала грузинская пресса того времени.

В 1922 году Верховный Совет Грузии решает организовать экспедицию в Иран через представительство РСФСР с целью распространения грузинской литературы среди грузин. И только в августе 1942 года грузинское правительство, по согласованию с послом СССР в Тегеране, отправило в Ферейдан 97 наименований грузинской литературы, 32 пластинки «Патефон» и различные национальные музыкальные инструменты. В 1944 году через жителя села Болсини Могу Папашвили в Грузию от иранских грузин было передано письмо, которое затем было направлено в Грузинский исторический музей. В письме было написано: «Здравствуйте, грузины, желаем вам победы над врагом, будьте нежны с нашим отцом, господином Сталиным» (пер. с груз.) (письмо было подписано двумя сотнями человек).

Грузинское общество культурных связей с иностранцами в 1946 году направило обращение к проживающим в Иране грузинам, в котором говорилось: «Грузины, проживающие в Иране. Братья-грузины! Грузинское общество культурного союза с зарубежными странами усвоило, что, несмотря на то, что вы веками были отделены от своей родины, вы не должны забывать свой любимый родной язык и вбирать свои национальные чувства. Поэтому наше общество отправляет вас и ваших детей в грузинские журналы и газеты, в грузинские книги. Они позволят вам хотя бы частично узнать о современной жизни и истории вашей Родины. Мы высылаем вам учебники по родному языку, истории и географии. Целое новое поколение грузинских детей десятилетиями изучает книгу «Родной язык». Если хотите, мы вышлем вам

и другие грузинские книги». Николоз Микава, председатель Грузинского общества внешних связей с братским приветствием» (пер. с груз.) [1].

В 50-е годы XX в. отношения между грузинами двух стран едва не закончились. Отчасти это было связано со смертью Сталина. На официальном портале ферейданских грузин в сети интернет размещена информация под авторством Автандила Сонгуашвили о том, что в 1960 году грузины из Ферейдана направили грузинским властям письмо о своем бедственном положении: «Сообщаем вам, что мы, грузины, живем бедно. Просим Верховный Совет Грузии оказать материальную и моральную помощь. Пожалуйста, не используйте эту информацию в своих радиопередачах, так как это письмо написано тайно, и мы не хотим, чтобы иранские власти знали об этом. Правительство Ирана относится к нам неуважительно и никогда не обращает внимания на наши жалобы» (пер. с груз.) [1].

В начале 70-х годов в Гурджаанский и Сагареджойский районы Грузии были расселены около 300 грузинских семей из Ирана. Впоследствии подобные переселения носили индивидуальный характер. Во многом в советское время процесс репатриации на территорию СССР был не прост.

В 2010 году на сайте «Радио Свобода» было размещено единственное интервью на русском языке с одним из представителей иранских грузин репатриантом, урожденным Али Горджи. В своем интервью он признавался, что возвращение на историческую Родину – некая огромная мечта большинства иранских грузин. Однако следует отметить, что это мнение частного лица, и мы не склоны его абсолютизировать. В этом же интервью собеседник указывает на факт, что, вопреки бескомпромиссной исламизации грузин в Иране, они сохранили грузинскую культуру и язык.

Таким образом, можно резюмировать, что грузины как этнос всегда тяготели к налаживанию отношений между Тбилиси и грузинской диаспорой в Иране. Наиболее активными в этом отношении являются грузины местности Ферейдан, которые с момента первых контактов с соотечественниками приняли на себя инициативу по выстраиванию постоянных контактов с историче-

ской Родиной. В разные времена эти отношения формировались под воздействием различных факторов, в числе которых – текущий государственный режим или интересы соседних государств. Вопреки многим обстоятельствам, грузины обеих стран хранят историческую память о событиях, разделивших их. Грузины в Иране стремятся изучать и сохранять грузинский язык, что поддерживается и в самой Грузии. В новейшее время индивидуальному возвращению на Родину не препятствуют обе стороны, а с 2011 года Грузия и Иран ввели безвизовый режим, чем облегчили вопросы длительного нахождения на своих территориях.

Наиболее заметным отличием грузин, проживающих в Грузии и Иране, является вероисповедание. В самой Грузии крепки традиции христианства, большинство граждан грузинской национальности причисляют себя к христианству. В Иране обстоятельства сложились в пользу перехода подавляющего большинства грузин в ислам шиитского толка. Однако, вопреки исторической тенденции, когда численное меньшинство в исламской стране полностью переходило в исламскую культуру, как это было с коптами в Египте или ассирийцами в Сирии, грузинское меньшинство Ирана представляет собой нетипичный пример, разграничивая для себя понятия – вероисповедание и этничность.

Историки сходятся во мнении, что нынешнее большинство иранских грузин-ферейданцев являются потомками насильно переселенных в Персию грузин из Картли-Кахетии в период царствования шаха Аббаса I [8, 342]. Эти события описаны в совместном труде Николоза Бердзенишвили и Ивана Джавахишвили «История Грузии». Кахетинцы должны были быть уничтожены или депортированы, а их страна заселена туркменскими племенами, а дворяне Картли должны были быть переселены в Персию. Когда дворяне Кахетии подняли восстание в 1615 году, войска шаха Аббаса разорили Грузию. Возможно, было убито до 70 000 человек и более 100 000 депортировано в Персию. Большинство грузин в Иране стали земледельцами. Самое важное из грузинских поселений находилось в местности Ферейдан, где их потомки до сих пор говорят по-грузински и сохраняют христианскую веру [4, 54].

Наибольшие споры исследователей касаются религиозной

принадлежности ферейданских грузин. В частности общепринятое утверждение иранских историков состоит в том, что ферейданские грузины поселились в Ферейдане как христиане и исламизировались там позже, в начале XVII в. Бабак Резвани из Университета Амстердама, внесший большой вклад в изучение истории грузинских поселений в Иране, в своей статье «Исламизация и этногенез ферейданских грузин» приводит данные иранского историка XIX в. Мохаммеда Мехди Эсфахани о том, что, в ходе его визита в места проживания грузин, он не обнаружил признаков христианства. Эсфахани подчеркивал наличие шиитских символов и мечетей в местах проживания грузинского населения и отсутствие каких-либо христианских символов [3, 615].

При анализе процессов исламизации грузин в Иране необходимо различать исламизацию так называемых высших классов и простых людей. Первые были легко исламизированы (в основном по политическим причинам), вторые имели меньше причин для добровольного перехода в иную веру. Весьма вероятно, что предки ферейданских грузин принадлежали к аристократии, и они уже были мусульманами до своего переселения в Ферейдан ввиду активных контактов с персидской аристократией на протяжении долгого времени. После подписания мирного договора между Турцией и Ираном в 1639 г., который окончательно узаконил раздел влияния этих государств в Грузии, грузинские правители были вынуждены принимать ислам для сохранения власти [3, 615]. Напротив, можно предположить, что, если предки ферейданских грузин были преимущественно из низших социальных слоев, их религиозная принадлежность, скорее всего, была христианской.

Параллельно с идеей об исконности ислама среди грузинской общины в иранской и грузинской историографии существует гипотеза и о том, что грузины поселились в Ферейдане будучи христианами и позже были исламизированы там. Подтверждение этому можно найти в отрывке из Тарих-е АламАра-йе Аббаси, написанном Эскандаром Бейгом Монши, сефевидским придворным историком XVII в. Он упоминает, что шах Аббас решил исламизировать некоторых христиан в Ферейдане. Этот процесс

исламизации, по общему мнению, произошел в 1030 году по лунной хиджре, на 33-м году правления шах Аббаса I (1619 или 1620 г. н.э.). Согласно этому отрывку, процесс исламизации был делегирован Абол-Маали Натанзи и Мохаммад-Али Табризи, соответственно [3, 616].

На сайте упомянутого выше общества ферейданских грузин, размещена статья Матеуша Бажека, одного из студентов Варшавского университета, посетивших грузинскую общину Ирана в начале 2000-х гг. Автор отмечает, что все грузины, проживающие в Ферейдане, являются шиитами, хотя никто из местных жителей не отличается особой религиозностью. Автор предполагает, что, возможно, это связано с обстоятельствами, при которых их предки приняли ислам, т.к. ислам способствовал карьере в таких областях, как армия и политика. Грузин ценили как воинов, но христианство мешало им подняться на следующие ступени военной иерархии [7].

Как мы могли убедиться, предположения о религиозной принадлежности иранских грузин строятся преимущественно на описаниях иранских историков XVII-XIX в. Приведенные нами описания исторических событий двух иранских авторов – Эсфакхани и Монши, связанных с процессом исламизации грузин в Иране, противоречат друг другу, в связи с чем не дают оснований утверждать о насильственности процесса исламизации грузин в Персии. Многовековое проживание в государстве с прочными традициями ислама и религиозной безальтернативностью не могло не наложить отпечаток на верования этнического меньшинства.

Жители Ферейдана называют себя картвелеби, что по-грузински означает просто грузин. Однако грузины не дают своим детям имен, звучащих по-грузински, среди них распространены типично мусульманские имена. Интересно, что многие грузины, эмигрировавшие в Грузию, меняют фамилию на грузинскую, чтобы приспособиться к новой реальности и выразить свое принятие культуры страны своих предков. Несмотря на то, что местные грузины во многом гордятся своим происхождением и проявляют интерес к своей общине и самой Грузии, на самом деле

они мало знают о своем прошлом и родине своих предков. Кроме того, они практически не культивируют никаких традиций, связанных с их грузинским происхождением. Иранские грузины по своей культуре жизни не похожи на своих соотечественников из Грузии. Их помолвки, свадьбы и досуг мало чем отличаются от обычаев других оседлых иранских народов. Многие местные грузины не могут правильно определить, когда их предки были переселены из Грузии [7].

На недостаточную осведомленность большинства грузин об исторической Родине также указывает Б. Резвани. Он отмечает, что «ключевые фигуры грузинской истории, такие, как царь Давид Строитель и царица Тамара, одна из трех грузинских святых женского пола, остались для них относительно неизвестными» [2, 198].

Что касается письменности, то лишь во второй половине XX в. в результате усилий доктора исторических наук Саида Мулани в Иране был издан и распространен самоучитель грузинского языка. В основу этого самоучителя лег учебник грузинского языка Якоба Гогебашвили [9].

На сегодняшний день наиболее узнаваемые грузинские символы в Иране – мост Си-о-се-Поль Аллахверди-хана в Исфахане и крепость Цихе в Ферейдане. Крепость Цихе является памятником военной истории ферейданских грузин. Цихе «ციხე» в переводе с грузинского языка означает «крепость», и она была выбрана в качестве фонового изображения во время «Дня чествования грузинского языка» в пригороде Исфахана Язданшахр в 2005 г. Одна из немногих легенд, которые хранят иранские грузины, гласит, что однажды Карим-хан Зенд решил обложить налогами иранских грузин. Грузины выступили против этого решения, поскольку многие из них служили в персидской армии, что, в свою очередь, освобождало их от уплаты налогов. Разгневанный Карим направил войска против повстанцев, которые вскоре разбили грузинские войска, а затем предприняли наступление на гору Цихе, где ранее укрывались женщины и дети, защищаемые несколькими грузинскими солдатами. Видя, что персидские войска штурмуют их убежище, и его защитники проигрывают бой, гру-

зинские женщины решили совершить массовое самоубийство со своими детьми, бросившись с вершины на скалы вниз. Только маленький мальчик пережил эту трагедию.

Грузинское общество в Иране – национальное меньшинство, сформировавшееся вне своего исторического места проживания. Грузины попали на территорию Персии в период правления известного персидского шаха Аббаса I, который долгое время вступал в военное противостояние с правителями Картли-Кахетии.

Грузинское меньшинство Ирана малоизвестно за пределами Грузии и Ирана. Несмотря на многовековую разлуку с Родиной, грузины Ирана, представленные в основном жителями Ферейдана, испытывают чувство тоски по Грузии и предпринимают активные шаги по популяризации темы своей этничности. Однако в своей массе иранские грузины немного знают о культуре современной Грузии. Лишь с распространением Интернета у их представителей появилась возможность вести просветительскую работу среди своего общества и грузин в целом. Стоит отметить, что единственный электронный ресурс, который пополняется силами ферейданцев, публикует материалы на грузинском языке и имеет национальный домен (онлайн адрес) Грузии.

За четыре столетия проживания в Иране грузины полностью ассимилировались с иранским населением, переняв традиции и веру. Язык удалось сохранить в том виде, в каком он бытовал много веков назад. Изучение современного грузинского языка в Иране сопряжено с трудностями образовательной системы, не допускающей изучение языка меньшинств в школе и сводится к индивидуальному изучению.

На данном историческом этапе не просматривается утрата национальной идентичности. Грузины осознают себя отдельной этнической группой и помнят исторические обстоятельства, при которых они оказались в Иране. Грузинская община не играет большой роли в жизни Ирана. Сельский образ жизни большинства иранских грузин не способствует активному вовлечению грузин в государственные процессы. А государство, в свою очередь, придерживается в отношении грузин общей национальной

политики, подразумевающей иранскую идентичность и единую веру.

1. Автандил Сонгуашвили. По следам грузин в Иране. [Электронный ресурс] URL: <http://www.fereidani.ge/story/iranshi-qartvelta-nakvalevze>. (дата обращения 05.02.2022). (На груз. яз.)

2. Резвани Бабак. Идентичность ферейданских грузин и история // Антропология Среднего Востока. Т. 4, № 2, с.197–203. (На англ. яз.)

3. Резвани Бабак. Исламизация и этногенез ферейданских грузин. 2008. – с. 593-623. (На англ. яз.)

4. Резвани Бабак. Ферейданские грузины // Антропология Среднего Востока 2009. с. 52 -74. (На англ. яз.)

5. Вахушти Багратиони. История царства грузинского / Перев., предисл., слов., указат. Н.Т. Накашидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1976. 337 с.

6. Кит Хитчинс. История ирано-грузинских отношений. [Электронный ресурс] URL: <https://iranicaonline.org/articles/georgia-ii-history->. (дата обращения 05.02.2022)

7. Матеуш Бажек. История грузин в Иране. [Электронный ресурс] URL: http://www.fereidani.ge/articles/165_mateush/165_mateush.html. (дата обращения 06.02.2022). (На польск.яз.)

8. Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С. История Грузии. Часть 1, С древнейших времен до начала XIX века. Тбилиси: Государственное издательство Грузинской ССР, 1950. 458 с.

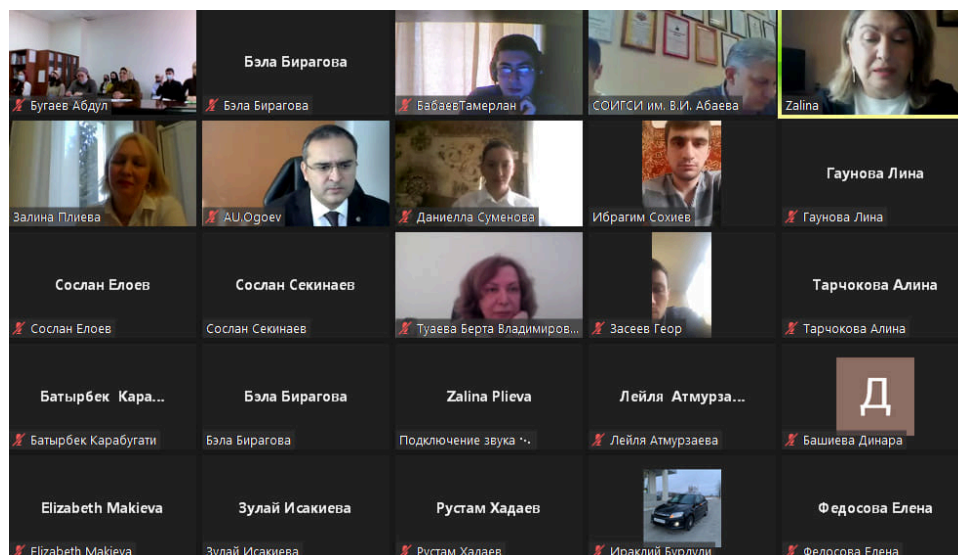
9. Нодар Кочлашвили. Как среди грузин распространился родной язык. [Электронный ресурс] URL: http://www.fereidani.ge/articles/84_deda/84_deda.html. (дата обращения 04.02.2022). (На груз.яз.)

10. Оберлинг Пьер. Грузины и черкесы в Иране. 1963. 326 с. (На англ. яз.)

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

8-9 февраля 2022 г. в формате видеоконференции на платформе Zoom состоялась Школа-конференция молодых ученых «Кавказ в его прошлом и настоящем: история, археология, культура», посвященная Дню российской академической науки и Году культурного наследия народов России.

Школа-конференция молодых ученых «Кавказ в его прошлом и настоящем: история, археология, культура» проводилась Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева совместно с Северо-Осетинским государственным университетом им. К.Л. Хетагурова.



Форум открыли словами приветствия ректор Северо-Осетинского государственного университета Алан Урузмагович Огоев и директор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Залина Владимировна Канукова.

А.У. Огоев поздравил участников с Днем российской науки и отметил, что совместная Школа-конференция СОИГСИ-СОГУ является фундаментом для будущих поколений кавказоведов и дает старт новым исследованиям Большого Кавказа.

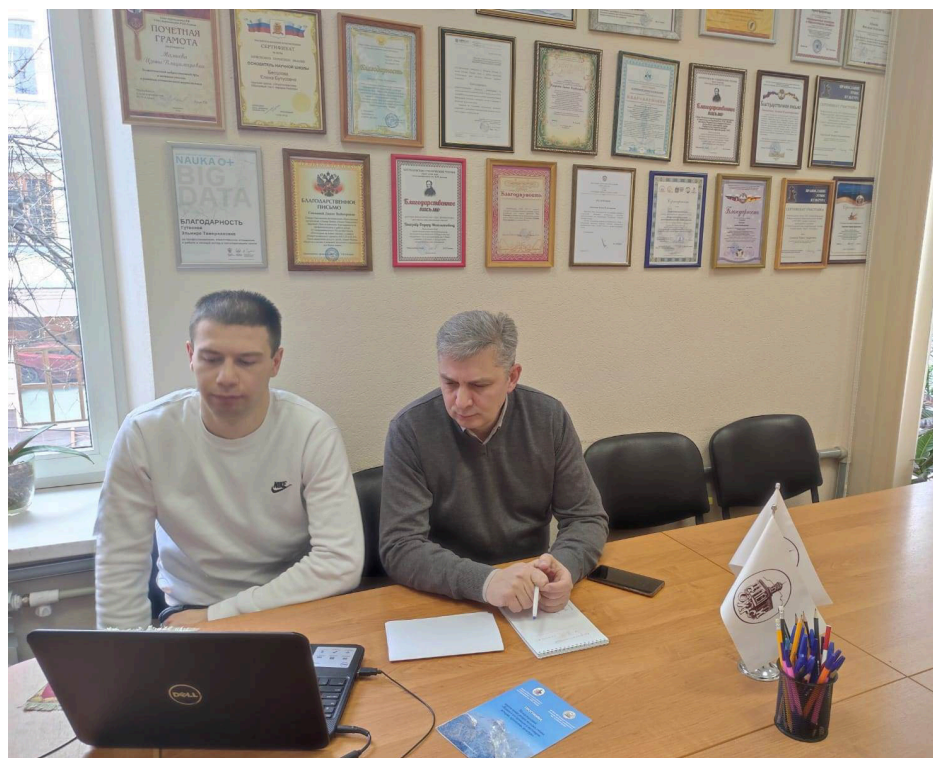
З.В. Канукова пожелала начинающим исследователям красивых жизненных и профессиональных дорог. «Мы с большим удовлетворением отмечаем, что, несмотря на сложную эпидемиологическую обстановку, в адрес Оргкомитета Школы-конференции в этом году поступило гораздо больше заявок, чем в прошлом. Мы благодарим постоянных участников нашего форума – талантливых студентов Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова под руководством Зары Алаудиновны Гелаевой и Бирлант Борз-Алиевны Абдулвахабовой и Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова под руководством профессора Петра Абрамовича Кузьмина, а также приветствуем новых участников из Северо-Кавказского горно-металлургического института под руководством профессора Сергея Руслановича Чеджемова».

«Я с большим уважением отношусь ко всем научным форумам СОИГСИ, а Школа-конференция – это лучшая площадка для научной молодежи на Северном Кавказе», – отметил доктор исторических наук, профессор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова Петр Абрамович Кузьмин.

Декан исторического факультета Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова Зара Алаудиновна Гелаева приветствовала организаторов и участников форума, подчеркнув, что «Школа-конференция – это не только неизменно высокое качество исследований, но и особая атмосфера, наполненная взаимоуважением и гостеприимством».

Доцент исторического факультета ЧГУ им. А.А. Кадырова Бирлант Борз-Алиевна Абдулвахабова выразила надежду, что в скором времени удастся возобновить очное участие в научных форумах СОИГСИ, так как это важный инструмент научного общения научной молодежи друг с другом и с уже состоявшимися учеными.

В рамках пленарного заседания были заслушаны лекции: А.В. Дарчиев, кин, старший научный сотрудник отдела этнологии СОИГСИ им. В.И. Абаева – «Е.Г. Пчелина об осетино-грузинских отношениях в последней трети XVII в.»; Б.Т. Цогоев, заведующий научно-реставрационным отделом Национального музея РСО-Алания, аспирант СОИГСИ им. В.И. Абаева – «Кавказский оружейный пояс: исторические параллели».



Программу Школы-конференции продолжили двухдневные секционные заседания по направлениям: Северный Кавказ в эпоху древности и средневековья (руководители – кин, доцент Б.Б.-А. Абдулвахабова, кин, доцент З.Т. Плиева), Северный Кавказ в период общественных трансформаций XIX в. (руководители – дин, профессор П.А. Кузьминов, кин, снс СОИГСИ Т.Т. Дауева), Северный Кавказ в советскую эпоху (руководители – дпн, профессор С.Р. Чеджемов, кин, доцент Е.Г. Макиева), Современные социально-политические и культурные процессы на Северном

Кавказе (руководители – к. соц.н., снс СОИГСИ Е.В. Федосова, к. полит.н., снс СОИГСИ Б.М. Бирагова).

Рекомендованные экспертами статьи участников Школы-конференции молодых ученых «Кавказ в его прошлом и настоящем: история, археология, культура» публикуются в научных журналах СОИГСИ «Кавказ-Форум» и «Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых», размещенных в национальной информационно-аналитической системе РИНЦ.

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ. ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВЫП. 29, 2022

Научный журнал

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка — *А.В. Черная*
Дизайн — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 15.03.2022
Формат бумаги 70×108 1/16. Бум. 80 гр.
Печать цифровая. Гарнитура шрифта «Myriad»
Усл.п.л. 8,5. Тираж 100 экз. Заказ 55

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. В.И. АБАЕВА – ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
НАУКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК»

362040, РСО-А, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-А, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3
e-mail: rio-soigsi@mail.ru